

16+

Анатолий Субботин

Убью, студент!

Анатолий Субботин

Убью, студент!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40143716

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая половина 1970-х гг. Жизнь и приключения главного героя – студента-филолога. Основная линия, конечно, – любовная; но затрагиваются также темы литературного творчества и тогдашней общественно-политической жизни. Реалистичная в целом повесть кончается фантастической главой, где герою снится чёрт.

Содержание

*Жене своей, Субботиной Элле Эрнстовне,
посвящает автор*

1. Мама, я студент!

Леонид Соломин вернулся домой грустный и пьяный. Он только что проводил своего друга и одноклассника Женьку Плясунова, который поступил в институт и уехал в Йошкар-Олу учиться. Леонид тоже поступал – сдал вступительные экзамены в Пермский госуниверситет, но шли уже последние дни августа, а вызова не было. Видимо, не добрал баллов, тоскливо думал он. Вторая попытка, и снова мимо! В первый раз, год назад, он завалил французский язык. “Parlez-vous français”? “Non, je ne parle pas français”¹. Леонид завидовал русским дворянам, которые с детства говорили на двух языках. Ему же из 5-ти отпущенных школьной программой лет франсе преподавали только 3 с половиной года: в глубинке не хватало учителей. Да и сам он хватился, схватился за ин. яз. лишь в 10-ом классе, когда надумал поступать.

Сняв туфли, он прошел, пошатываясь, в комнату.

– Где ты ходишь?! – воскликнула мать. – Тебе письмо из университета пришло.

Леонид не без трепета в руках вытащил листок из конверта и прочел: Вы зачислены на первый курс филологического факультета... Не веря своим глазам, прочел еще раз. Голова и без того шальная пошла кругом. Бросился к матери, обни-

¹ «Вы говорите по-французски»? «Нет, я не говорю по-французски». (франц.)

мая и целуя ее.

– Мама, я поступил, поступил! Я студент!.. Надо сегодня же брать расчет, сейчас же... Бегу на завод.

– Да куда ты такой пьяный! – крикнула ему вслед мать, но он уже был за дверью.

Не ясно, как его такого пропустили в проходной. Впрочем, веселые рабочие лица были вахтерам не в новинку. Случалось, пролетарии выходили из завода, как из кабака, разве что песен не пели. Во время обеденного перерыва пожилые мастеровые гоняли молодежь в магазин за водкой. Леонид и сам несколько раз был таким гонцом. Благо, завод не относился к секретным, и на вахте карманов не проверяли. Некоторые «утрудившиеся» работники оставались ночевать в цехе, спали в раздевалке. И когда жены потом спрашивали их: что случилось? – они смело отвечали: «Аврал! Пришлось остаться на третью смену».

Лёня вбежал в свой 16-ый цех и только тут заметил, что он в домашних тапочках, точнее, в одном тапочке, поскольку другой потерял по дороге. Мимо токарных станков, глядя на чугунный пол, чтобы не наступить в железную стружку, он прошел в кабинет начальника цеха. Там, кроме самого начальника, находился мастер Лёни – Агапов. Размахивая письмом, слесарь-монтажник 2-го разряда Леонид Соломин радостно сообщил джентльменам, что ему пришел вызов из ВУЗа, и он увольняется. Особенно его радость относилась к Агапову. Этот мастер и на лицо и внутри был мужлан муж-

ланом. Он пьянствовал со слесарями в раздевалке и не всегда проявлял уважение к рабочей молодежи. Леонид вспомнил, как Агапов смеялся над ним, «давшим дуба» в тридцатиградусный мороз. Они тогда что-то ремонтировали на улице. Собственно, ремонтировал учитель Лёни – слесарь 6-го разряда Веткин, а ученик был на подхвате, ну, и так замерз, что ключ едва держал и не понимал, как в таких условиях можно что-то делать.

Теперь в улыбке мужлана чувствовалось смущение и удивление – то ли оттого, что «вот ведь, парень в ВУЗ поступил», то ли потому, что Агапов впервые увидел скромного юношу в столь необычном, раскованном виде. Раскрасневшееся лицо, сильно выбившаяся из брюк сорочка и тапочек на одной ноге.

Выйдя из проходной, Лёня оглянулся. Прощай, завод! Хорошо, что я за год не успел привыкнуть к тебе. Иначе нам трудно было бы расставаться. Тут Соломин лукавил: никогда он уже не стал бы настоящим рабочим, так как подцепил вирус интеллигентности. Искусство (особенно художественная литература) уже изрядно отравило его, и он сделался мягким и мечтательным.

2. Влияния

Все началось с детских сказок. Учась в третьем-четвертом классе, Лёня стал ходить в библиотеку, брать сказки. Русские народные, калмыцкие, азербайджанские и другие. Вез-

де творилось невероятное: разговаривали звери и птицы, водились принцессы и цари, бедные вдруг богатели, на пути героев вставляли живые страшные препятствия в виде змеев, леших, дивов, гулей и прочее. Несмотря на опасности, в сказках было интереснее, чем в жизни, и Лёня зачитывался до поздней ночи, так что мать ворчала, что он жжет электричество и портит глаза. Иногда, прячась от матери, он читал с фонариком под одеялом.

Параллельно шла романтическая обработка мальчика песнями. Навсегда врезалась в память песня о 14-ти французских моряках. Как в Кейптаунском порту «они пошли туда, где можно без труда достать дешевых женщин и вина». Как в таверне они повздорили с англичанами. Сердце замирало при словах: «и кортики достав, забыв морской устав, они дрались, как тысяча чертей». И грустно щемило сердце, узнав, что французским морякам больше не взойти на палубу, и корабль ушел в море без них.

Когда Лёне было 15 лет, его захватила чистая, так сказать, поэзия – без музыкального сопровождения. Всему виной фломастеры. Они тогда только появились в магазинах города. Мама купила коробку этой канцелярской новинки. Фломастерами было хорошо рисовать: линии выходили четкими, жирными. Но рисовать отрок не умел. Что делать? Надо написать красивый текст, где есть ритм и рифма, надо написать стихи, которые можно спеть. В голове Лёни вертелась забавная песня Высоцкого про опального стрелка. Особен-

но смешно было то, что стрелок предпочел принцессе бадью портвейна. И Лёня стал подражать Высоцкому.

Где-то услышал он, что у Есенина есть стихи с матерными словами. Взял в библиотеке томик поэта. Мата там не нашел (лишь некоторые слова заменялись точками), зато обнаружил странного лирического героя, который то нежно грустит, то скандалит.

Ты поила коня из горстей в поводу.
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Как это верно и в то же время необычно: ломались в пруду. И там же:

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
с алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Как это красиво: мерцание пенистых струй!.. На страницах Есенина Лёня впервые почувствовал вкус поэтического образа. И вошел во вкус. Стал читать стихи помимо школьной программы, стихи классиков и современников.

Когда в квартире Соломиных появился друг семьи – телевизор, Лёня начал отдавать ему дань уважения. Смотрел все подряд: новости, мультипликационные и художественные фильмы, музыкальные передачи. Новости вносили в душу умиротворение: трудящиеся перевыполняли план и жи-

ли все лучше; высокопоставленный тезка – Леонид Ильич Брежнев был сама доброта и готов был расцеловать каждого. Нравились мальчику и эстрадные песни. Вот между столбов-фонарей, расставленных на сцене, тихо идет смуглый Жан Татлян. Поет, что фонари – это его ночные друзья. Вот в окружении молодых мужчин – красивая Эдита Пьеха с загадочным акцентом. Вот веселый, одетый матросом, Эдуард Хиль. А вот король эстрады Муслим Магомаев, кружащийся с королевой красоты на Чертовом колесе.

Однажды Лёня включил телевизор. Передавали небольшие по объему классические произведения. Композитор Андрей Петров предварял их словом. Он сказал, что Мелодия Глюка – это очень возвышенное произведение. И зазвучала музыка, от которой у Лёни поползли мурашки по спине и навернулись на глаза слезы. Флейта плакала о какой-то недостижимой мечте, о какой-то невозполнимой утрате. Позднее Леонид узнал, что это мелодия из оперы «Орфей и Евридика», а Христофор Глюк – немецкий композитор XVIII века.

Май. Выходной. На работу не надо, но надо готовиться к экзаменам. Последний шанс. Если сэр не поступит, осенью его позовет армейская труба. Соломин сидит в кресле, обложившись книгами и тетрадями. Звонок в дверь. На пороге – бывший одноклассник Толя Поляков.

– Пошли в 6 часов в кино. Пригласил девушку, а она с подругой. Составь комплект.

– А что за подруга? Ты видел ее?

– Видел. С пивом потянет.

Без 10-ти шесть встретились у касс кинотеатра «Победа». Купили билеты. Подошли девицы. Да, подумал Лёня, взглянув на «свою», до мечты поэта она явно не дотягивает!

Фильм назывался «Москва – любовь моя». Красивая японская балерина приезжает на гастроли в столицу СССР. Ошеломительный успех у советской публики. Балерина влюбляется в Москву и заодно в простого русского парня – хорошо сложенного блондина с ямочкой на подбородке. Вот они отдыхают на море; он выносит ее из воды, кладет на золотой песок, целует... Боже! – завистливо думал Лёня. – Столица, море, а главное эта экзотическая девушка, идеал японской молодежи! И чем я хуже блондина? Конечно, я subtilen по сравнению с ним, и нос у меня курнос, но зато я поэт, я умею ценить красоту, я умею любить.

Волнуясь, Лёня вышел из кинотеатра. Пары разделились. Провожал новую знакомую домой взволнованный поэт. Она сказала, что приехала из деревни, снимает угол и учится в училище. Лёня смотрел на нее, на завод, к которому они спускались по улице Ленина, и чувствовал себя, как птица в клетке. Неужели ему придется всю жизнь проторчать в этом городке, работая на этом заводе, жениться на такой вот или подобной особе! Она, конечно, не виновата, и городок не виноват, но неужели он никогда не увидит мира, не встретит красивую девушку, не испытает славы!? Спутница не нравилась Лёне и в то же время влекла его, ведь в ней было то

главное, что так нужно парню в 17 лет («Почему в 17 лет парню больше не до сна»?) – она была инополовым существом. Не имея опыта, не зная, как ухаживать за девушками, Лёня решил сразу взять быка за рога (не выгорит, и пусть!) и совершил бестактность, которую впоследствии не мог простить себе.

По узкому в две-три доски тротуару молодые люди подошли к дому, где жила девица. Двухэтажный дом из деревянных брусьев. Два подъезда, восемь квартир. Неожиданно, почти грубо Лёня полез целоваться. Девица опешила и, конечно, отстранила его, сказав: «Не надо»! Возможно, она еще добавила: «Не сейчас», то есть всему свое время, но, возможно, ничего не добавляла и лишь ускользнула от него за дверь своей квартиры. Соломин вышел из подъезда и досадно плюнул.

«Союз нерушимый республик свободных» – грянуло у самого уха. Леонид проснулся на второй полке плацкартного вагона поезда «Соликамск – Пермь». Разве можно любить гимн, который будит ни свет, ни заря? 6 часов. На конечную остановку – вокзал Пермь II – поезд прибывает в восемь. По меньшей мере час можно еще дремать. Лёня попытался выключить радио, но оно не выключалось, только звук поубавился. Вслед за гимном последовало обычное сообщение о том, что со станции Пальники начинается санитарная зона, и туалеты будут закрыты. Некоторые пассажиры зашевели-

лись, стали вставать.

Лёня смотрел в окно. Поезд шел по высокой насыпи вдоль Камы. Внизу, на берегу – портовые краны, бревна, контейнеры. Вот забор, за которым – цеха завода имени Дзержинского. Площадь, где установлен памятник великому чекисту. И сразу за трамвайной линией, на другой стороне площади – корпуса университета, до сих пор казавшиеся далекими, недоступными, как мечта, но теперь обещавшие стать своими. Вот крытая листами железа, окрашенными красной краской, крыша исторического корпуса, бывшего дома пароходчика Мешкова. У входа в корпус на каменной скамье сидят и беседуют о светлом будущем каменные Ленин и Горький.

3. Первый залёт

В этот (1975) год общежитие №8 решили сделать экспериментальным: поселили туда одних первокурсников с разных факультетов. Мол, студенты старших курсов оказывают на новичков тлетворное влияние. Какое же это влияние? – думал Соломин. И немного пугался его, но, пожалуй, в большей степени хотелось его испытать.

Филолог попал в одну комнату с тремя гидрологами (специальность на географическом факультете). Познакомились, стали жить – и довольно дружно. Гидрологи учились в первую смену, а Лёня – во вторую, так что виделись только вечером. Леня был совой и утром никак не мог проснуться.

В этом плане со второй сменой ему повезло.

Студент-гидролог Шура Николев уже отслужил в армии и успел поработать в геологической партии. Ему было 25 лет, и он был женат. Иногда жена приходила к нему (она, кажется, тоже где-то училась) и даже оставалась на ночь. Однако, воспитанные люди, никакой страсти при посторонних юношах они себе не позволяли. Впрочем, ночью Лёня спал.

Шура был большим не только по возрасту, но и по фигуре: высокого роста, склонный к полноте, с белым лицом и темными вьющимися волосами. В нем чувствовалось что-то барское. Он говорил, что его фамилия происходит от французского Николя. С младшими однокашниками он держался запросто, добродушно, любил шутить и веселиться. Соломина он называл Соломенник.

Другие соседи по комнате – коренастый Паша и худенький Саша. За телосложение и молоджавость поступившего сразу после школы худенького прозвали Малый.

Так, что у нас сегодня? Три пары: латынь, история компартии и античная литература. Перед лекциями Лёня зашел в столовую. Постные щи, котлета с макаронами и стакан компота дали студенту толику сил для разностороннего образования. Сидя в аудитории, Лёня не успевал за преподавателем. Хотелось сказать слова Шурика из «Кавказской пленницы»: пожалуйста, чуть помедленнее, я записую. Но нельзя было сказать, и Лёня сокращал слова как мог, создавая

шифровку своего письма, которую не только КГБ – он сам иногда не в силах был разобрать.

Вахтеру пропуск показал он. Вертушка стала податливой, закрутилась. По лестнице на свой (4-ый) этаж. Этажи «восьмерки» выглядят просто, как три рубля: прямой длинный коридор и нумерованные комнаты по бокам. Плюс две кухни, небольшой холл и по туалету с умывальной в каждом конце. Лёня шел по коридору. Студенты смотрели в холле телевизор, готовили на кухне ужин, курили возле туалета. Соломин толкнул дверь в свою комнату и попал в интимную обстановку.

Верхний свет выключен, горит лишь настольная лампа. Несмотря на открытое окно в помещении дымно и весело. У гидрологов в гостях их однокурсники – несколько парней и девушек. Расселись на 4-х стульях и кроватях, в том числе на койке Лёни.

– А-а, Соломенник! – воскликнул Шура Николев, выдыхая сигаретный дым. – Пить будешь?

– Буду, – сказал Леонид.

– Что тебе? Есть «сухарь» и портвешок.

– Портвейн.

Шура достал из-под стола бутылку и плеснул в один из граненных стаканов, стоящих на столе вместе с железными кружками.

– Спой, Шура, – попросил Паша.

Судя по тому, что гитара была расчехлена и лежала рядом

с сидящим на кровати хозяином, тот уже сегодня пел. Но когда он был в настроении, он мог петь часами. И он без лишних слов положил семиструнную подругу на колени. Лёня заслушался, хотя не первый раз внимал Шуриному исполнению. Мягкий баритон, богатый репертуар. Шура пел песни известных бардов – Висбора, Окуджавы, Высоцкого, – а также неведомых Леониду доселе Кукина, Клячкина и других. Между прочим, прозвучала белогвардейская песня из кинофильма «Таинственный монах»:

Напишу через час после смерти,
а пока не могу, извини.

Похоронный сургуч на конверте
на моей замесили крови.

Нас уже не хватает в шеренгах по восемь.
Только пыль, да копыта, да пули кругом.
И кресты вышивает последняя осень
по истертому золоту наших погон.

Лёня смотрел этот фильм. Смотрел и другие фильмы, где белогвардейцы показывались пьющими и грустящими о том, что они проигрывают гражданскую войну и теряют Родину. Лёня слышал песню о поручике Голицыне. Ему нравились эти хорошо одетые, благородные люди, как они умеют тонко чувствовать и изысканно говорить. Быть может, они по-

тому и проиграли войну, что были воспитаны и не любили драться? Позднее Соломин напишет стихотворение, которое заканчивается так:

Пронеслось торжество окружающей драмы.
Умирать – пустяки. И жизнь разлюбя,
господин генерал, ну, куда ж мы, куда мы,
потерявшие родину, честь и себя?!

Шура Николев напоеет это стихотворение в присутствии гостей и скажет, что его сочинил Соломенник. Один гость-гидролог удивится: как это такой внешне не выдающийся паренек сложил слова в рифму, да еще про белогвардейцев!

Вдруг в атмосферу душевности и веселья ворвалось ино-родное тело. В комнату вошел комендант общежития по фамилии (немецкой или еврейской?) Форш, сопровождаемый двумя членами студсовета.

– Так, что празднуем? – сразу определил обстановку гладковыбритый комендант лет тридцати.

– Так... вот... у товарища день рождения, – сказал Шура Николев. И это соответствовало истине.

– Въезжая в общежитие, вы подписывались под правилами проживания, где четко сказано: распивать спиртные напитки и курить в комнате строго запрещается.

– Ну, товарищ комендант, – встал с кровати Паша, – ведь день рождения же... как в песне поется, только раз в году.

Но Форш не стал вступать в дискуссию. Попросив гостей разойтись, он пометил в списке сию комнату и фамилии ее жильцов, здесь находящихся, то есть всех четверых.

Через день Соломина вызвали в деканат. Секретарь сказала ему: «На Вас поступила докладная. Пишите объяснительную». Вечером Леонид зашел к своим сокурсникам-филологам, жившим на 5-ом этаже той же общаги. Сообщил о своем горе, сказал, что написал объяснительную записку, но не уверен, правильно ли, поскольку этот жанр для него нов. Старший товарищ Алексей Ухов, ставший студентом после окончания рабфака, пробежал по бумаге глазами и воскликнул: «Да кто ж так пишет объяснительные»! Выяснилось, что эмоциональные обороты, с помощью которых Соломин хотел вызвать понимание начальства, в данном жанре неуместны. Требуется сухое изложение фактов. Пришел, увидел, выпил.

– Напиши, чего и сколько ты выпил, – сказал Ухов.

– А это обязательно? – грустно спросил Лёня.

– Обязательно.

– стакан портвейна.

– Пиши: выпил 100 грамм сухого вина.

Лёня переписал бумагу, а Ухов сохранил у себя его опус. И как-то прочел объяснительную Соломина в дружеской компании. При выражениях типа «черт меня попутал» все смеялись. Так Лёня испытал первый литературный успех. Успех однако несколько комический.

4. Нина Мазурок

Проснувшись и взглянув на ручные часы, лежащие на стуле рядом с койкой, студент быстро вскочил и стал надевать брюки. Боже, опаздываю! Сегодня – физкультура, а значит, занятия начинаются раньше обычного – в 11 часов. А время без десяти. Ускоренный туалет, портфель в зубы, и – вниз по лестнице. На первом этаже открыта дверь буфета. Но позавтракать нынче не придется.

Раздевшись в раздевалке, студент натянул поверх плавок спортивные трусы, пошитые из серебристого атласа. Вышел в зал. Педагог-тренер построил команду баскетболистов в шеренгу и объяснил задачи урока. Начали как всегда с разминки, с бега по кругу.

Леонид выбрал баскетбол не потому, что любил этот вид спорта. Просто надо же было что-то выбрать. Легкая атлетика, вольная борьба и бокс прельщали Соломина еще меньше. Особенно два последних вида. Уж лучше танцевать на два шага с мячом, чем, плотно прижимаясь к сопернику, пытаться завалить его или дать ему в челюсть. Вот если бы в универе преподавали фехтование или хождение на яхте... Но шпага не звенела, парус не трепетал, и Леонид бегал по кругу.

Баскетболисты совершали каждый круг довольно странно: в одну сторону они бежали заметно медленнее, чем в другую. Вот нормальной трусцой они движутся лицом к выходу.

Но вот – поворот, и перед ними открывается картина, от вида которой шаг их замедляется, а сердце, напротив, бьется чаще. Задняя часть зала ограждена сеткой, и там, за сеткой, на матах разминается несколько студенток из секции художественной гимнастики. Девушки встают «на мостик», поднимают ноги к голове и делают другие соблазнительные упражнения, глядя на которые хочется жить и строить коммунизм.

Среди девушек – однокурсница Лёни Нина Мазурок. Они с Ниной из одного города, и познакомились еще там – в Копиграде.

Шел октябрь. Десятиклассники школы № 1 давали осенний бал. Выпив для веселья и храбрости (ведь чтобы общаться с девицами, нужно быть храбрым), Соломин с приятелем отправились потанцевать. В пестром цветнике выпускниц Леонид заметил (впрочем слово «заметил» бледно и не точно: «этого» нельзя было не заметить) один цветок, который не на шутку растревожил сердце поэта. Представь, читатель, стройную невысокую блондинку с бирюзовыми глазами и как бы взмывающими над ними длинными ресницами, и если ты достаточно тонок и знаешь толк в красоте, ты поймешь Леонида.

Кстати, когда он рассматривал незнакомых девушек и женщин, он оценивал, прежде всего, их лица. Телосложение, конечно, имело значение, но отходило на второй план. Если у обладательницы отменной фигурки находились изъяны в

физиономии (необязательно физические, ведь не зря говорят: лицо – зеркало души человека), Леонид терял к такой «красотке» всякий интерес.

От волнения Леонид начал трезветь. Но хмель все-таки продолжал действовать, и он осмелился пригласить блондинку на танец и даже предложил проводить ее домой. Как же он сделался счастлив, когда она согласилась! Счастлив и в то же время растерян. О чем говорить? Как себя держать с нею, чтобы не упасть лицом в грязь? Черт его знает, как себя вести с этими загадочными созданиями!

В 11 часов бал закончился. Публика стала расходиться. Лёня сказал своему приятелю, что договорился проводить девушку. Приятель одобрил его вкус. Взглянув на блондинку, он хлопнул Соломина по плечу: «Смотри, не упускай ее»!

Минут 15, пока шли не спеша от школы до дома Нины, Леонид старался не молчать. А о чем он мог говорить более менее увлеченно? И вот в его речи замелькали имена Есенина, Грина, еще кого-то из мастеров художественного слова. Он сказал, что не поступил на филфак, но собирается повторить попытку. Видимо, он говорил, хотя сбивчиво и косноязычно, но достаточно вдохновенно, ибо, как потом оказалось, именно этот их разговор разрешил сомнения Нины, где учиться дальше.

Копиград называли в народе «большой деревней». 70-80 процентов его жилых строений составляли частные дома с огородами, скотиной и прочее. В одном из таких домов и жи-

ла Нина. Молодые люди шли по улице, выложенной брусчаткой. Потом свернули на неухоженную дорогу. Редкие фонари освещали палую листву. Было прохладно и сухо. Кое-где лаяли собаки. Вот и калитка, у которой надо проститься. За штакетником – обнаженные черемуха и рябина, кусты смородины и крыжовника. Учув чужого, в будке зарычал пес.

– До свидания, – сказала Нина.

– До свидания.

Будет ли оно, это свидание? Лёня не осмелился просить о нем. Но городок мал, и он надеялся, что они еще встретятся. Бредя домой, он вспомнил «сторожа» в будке и, улыбнувшись, мысленно спел:

Живет моя отрада в высоком терему.

А в терем тот высокий нет хода никому.

Я знаю, у красотки есть сторож у крыльца...

Никто не загородит дорогу молодца!

Дорогу молодца загородила сама красотка. Через месяц или два он встретил ее во дворце культуры на танцах...

Но прежде надо описать этот дворец, этого короля зданий, единственное зачастую украшение провинциальных городков. Стоит он, как правило, на главной улице – на улице Ленина. Перед его фасадом на площадке возвышается монумент вождя, приветствующего поднятой рукой свой народ. Если взглянуть на дворец сверху (с вертолета, самолета, а

то и с дирижабля), он похож на букву «п», только с короткими ножками. Образуется как бы дворик, в который заходишь, пройдя мимо толстых колонн (надо шесть-семь пацанов, взявшихся за руки, чтобы обхватить такую колонну). Кроме парадного входа с массивной двустворчатой дверью, есть отдельные входы поскромнее в каждое крыло. В левом крыле занимаются спортсмены: на втором этаже там – спортивный зал. Правое крыло отведено под кинотеатр. Возьмешь, бывало, в кассе билетик; скромная пожилая женщина в вишневом халате оторвет тебе его с одного конца, где написано: контроль, и ты проходишь в фойе. А там играет умиротворяющая музыка, стулья стоят вдоль стен, и можно расслабиться, настроиться на тот чудесный, яркий сон, который через 5-10 минут хлынет на тебя с экрана. Вот второй, третий звонок, контролер открывает следующую дверь, и ты по широкой гранитной лестнице поднимаешься в кинозал, где находишь свой ряд и место. Уже ты настроился, уже тебя мучает нетерпение: ну, давай же, механик, запускай свою пленку! Но механик медлит, он знает себе цену. Однако и у него есть совесть: раздастся, наконец, стрекот аппарата и в зале постепенно гаснет свет. Проходят первые кадры. Ты погружаешься в другой мир. Вдруг бац! Что такое!? Мир разъезжается и превращается в расплавленную лаву. Пленка порвалась, *diable m'emporte!*² Тихо, ребята, механик не виноват! Виновата страна, потому что она большая. Знаете,

² Черт возьми! (франц.)

сколько этой пленке пришлось путешествовать, в скольких кинотеатрах крутиться, прежде чем попасть в наше захолустье? А механик, он что? Он и сам нервничает; вон закурил, только дым идет из амбразуры. А может, и горькую пьет. Что поделаешь! Такая работа... Пьет, пьет, а дело знает: вот уж склеил чудесный сон. И ты забываешься на полтора часа, пока в зале вновь не зажжется свет, и ты проснувшийся, ошеломленный (так это был сон!) не выльешься с толпой на улицу, в довольно-таки серую, однообразную жизнь.

Но мы отвлеклись. Мы не в кино пришли, а на танцы. Мы прошли в парадную дверь, мимо двух крепких парней, которые проверяют как наличие билета, так и то, насколько ты устойчив на ногах. К слову сказать, несмотря на проверку, часть танцующей молодежи обычно была «весела». Причем веселье это к концу мероприятия увеличивалось. Дело в том, что юноши часто ходили в туалет, где не только отливали, но и приливали в себя из горлышка какого-нибудь вермута, портвейна, а то и плодово-ягодной какой бормотухи.

Мы сняли пальто в раздевалке и посмотрели на себя в зеркало. Оттуда глянул худошавый молодой человек среднего роста с довольно миловидным лицом, которое немного портил длинноватый и вздернутый кверху нос. На человеке – темно-коричневая в тонкую черную полоску тройка, пошитая в местном быткомбинате к выпускному вечеру. Кивнув своему отражению, мы прошли из фойе в зал, где уже играла музыка – медленный танец. Несколько пар переступали с

ноги на ногу. Сегодня играл магнитофон, но, случилось, выступала живая группа. Мы завидовали этим владеющим инструментами ребятам, которые были чуть постарше нас. Нам тоже хотелось овладеть гитарой или синтезатором. О, какой вес тогда бы мы приобрели в глазах сверстников и девушек!

«Там, где клен шумит»... – звучала песня. Мы вспомнили другой клен – есенинский, который опал и чуть заледенел. Особенно волновала строчка: «И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, утонул в сугробе, приморозил ногу». Так и представляешь себе этого сторожа – пожилого, с бородкой, улыбающегося, доброго, несчастного.

Мы постояли немного у колонны, потом поднялись на второй этаж. С высоты галереи лучше обозревать зал и танцующих. Народ прибывал. Он прохаживался или стоял группами у стен, высыпал на танцплощадку во время лихого ритма и заметно редел, когда звучал «медляк». Но все-таки пар становилось больше. Молодые люди входили в роль и чаще приглашали девиц. Мы также искали глазами, кого бы пригласить. Но одни прекрасные создания нам не нравились, другие были заняты, а к третьим подойти мы стеснялись. И пока мы решались и, наконец, решились приблизиться к симпатичной нам девушке, ее уводил кто-нибудь другой.

Заводная музыка образовывала из людей круги. Большие и поменьше. Влившись в один такой круг, мы станцевали быстрый и одинокий танец шейк.

В туалете было накурено. На подоконнике и возле рас-

положились три-четыре парня. Видимо, из местной шпаны. Слегка напрягшись, мы прошли к писсуару. На керамической плитке пола краснели пятна: кому-то уже разбили нос. В другом месте в луже вина валялись бутылочные осколки. Отлив, мы снова прошли мимо парней. Они благодушно ухмылялись: видно, уже поймали кайф.

В зале мы сразу заметили ее. Синее платье, распущенные, в меру выющиеся волосы. Нина стояла с девушкой, выглядывшей немного старше ее. «Сердце порывно забилося», – пели «Песняры». Паркет блестел под свисавшей над ним огромной люстрой. Мы понимали, что случайная встреча может никогда не повториться, что это шанс, который упускать нельзя. Тщетно скрывая робость, угловатый молодой человек приблизился к девушке с бирюзовыми глазами.

– Здравствуйте. Можно Вас? (Имелось в виду: пригласить на танец).

Нина взглянула на него так, словно видела впервые.

– Нет, – холодно сказала она.

Это был удар... Не то чтобы мы совсем не ожидали такого ответа. Но это все равно что ожидать смерти: ждешь, готовишься, а приходит и застаёт тебя врасплох. Мы растерялись.

– Нет? – глупо переспросили мы.

– Нет, – повторила она.

И мы ретировались. Сначала из зала, а потом из дворца.

Выходит, проводить девушку домой еще ничего не зна-

чит, думал Леонид. Наивный мальчик! Позднее он узнает, что даже переспать с девушкой мало что значит. Это не делает людей ближе.

И вот в первые дни студенчества, спускаясь как то по мраморной лестнице географического корпуса (а деканат и кафедры филфака были там), Лёня вновь увидел ее. Нина поднималась ему навстречу. Воспоминания налетели на него, как порыв ветра. А ведь он уже почти забыл прекрасную беспощадную даму, подхваченный потоком новой жизни. Теперь же рана открылась вновь. «Здравствуйте», – сказала Нина первой. «Здравствуйте», – машинально произнес Соломин, не зная, остановиться, заговорить или идти дальше. Но дама прошла. Что она здесь делает? – думал он. Она тоже поступила? Потом он увидел ее на лекции и понял, что они будут учиться на одном курсе. Однако отношения возобновить Лёня не пытался. Уязвленная гордость говорила в нем. И так бы они прожили несколько лет параллельно, не соприкасаясь, а затем разошлись в разные стороны, если бы в начале третьего курса на картошке...

5. Демонстрация

7 ноября. Колонны демонстрантов устремились к центру Перми. Скапливаясь в районе Комсомольской площади, возле здания Областного управления МВД, прозванного в на-

роде «Башней смерти», стекали вниз по Компросу³ до Октябрьской площади, где была установлена трибуна, и далее – до ЦУМа⁴, где колонны распались на кучки родственников и знакомых, отправлявшихся домой к праздничному столу.

Университет долго топтался на месте: ждал своей очереди, прежде чем слиться с главным потоком. Было пасмурно и прохладно, только что снег не шел. Леонид продрог. Демонстранты от университета в основном состояли из первокурсников, поскольку те еще были боязливы и послушны: явка на общенародный праздник обязательна! Впрочем, Лёня и сам хотел окунуться в демонстрацию большого города, чтобы посмотреть и почувствовать. Почувствовал: здесь то же самое, что в Копиграде, только масштаб другой. Тут один завод, как весь Копиград. Бывало, едешь на трамвае вдоль забора «Моторостроителя», и конца ему нет, этому гиганту!

Красные флаги, флажки, нагрудные банты. Воздушные шарики и бумажные цветы. Вот с кузовов машин глянули серьезные бородатые мужи – Маркс и Энгельс. Вот проехал родной, полысевший от дум Ильич. Вот демонстранты пронесли другого Ильича – Леонида, а вместе с ним остальных членов Политбюро.

Наконец, университетская колонна тронулась. Маршевая музыка и революционные песни, доносившиеся с Октябрьской площади, стали приближаться. Вот и сама площадь, за-

³ Комсомольский проспект.

⁴ Центральный универмаг.

полненная народом. На трибуне, что – по правую руку, стоят несколько товарищей в серых и черных пальто – местных руководителей во главе с Первым секретарем обкома партии. Они уже сказали свое поздравительное слово. И теперь речь держат два бойких помощника, приветствуя каждую проходящую мимо организацию или предприятие.

«На площадь выходят студенты и преподаватели старейшего в Прикамье ВУЗа – Пермского Ордена трудового красного знамени государственного университета имени Горького. В университете работают 28 докторов и 51 кандидат наук. Ежегодно более 1000 первоклассных специалистов, выпущенных ВУЗом, вливаются в различные отрасли народного хозяйства, чтобы внести свой неоценимый вклад в дело строительства коммунизма. Ура, товарищи!»

Студенты Соломин и Ухов сняли с груди красные банты и слились с серой неорганизованной массой. По пути в общежитие зашли в «стометровку» – длинный стеклянный универмаг на улице Ленина. В винном отделе бутылку крепкой настойки Зверобой взяли. Тут же, за углом магазина, «убили в себе зверя», сделав по несколько хороших глотков из горла. Закусили карамельками, закурили. Бритое холенное лицо Алексея Ухова лоснилось. Он был склонен к полноте, с небольшим, но заметным брюшком. Рядом с ним Лёня казался школьником. Худобу Лёни не скрывала (а возможно, только подчеркивала) немного большая ему зеленая болоньевая куртка, купленная матерью из экономии на вырост.

Какой к черту вырост! Ему уже 18 лет, и он больше не будет расти. Разве что в умственном и духовном плане. На Ухове куртка сидела в самый раз. Темно-синяя. А брюки у него были черные в редкую светлую полосочку. А родом он был из старого купеческого города Кунгура. И мама его, кажется, работала товароведом. В общем – из служащих. Леонид же по родителям принадлежал к передовому классу – пролетариату. Но – в чем прелесть развитого социализма! – они же равны. Они оба студенты, и пьют из одного горлышка.

Приходит Брежнев в Политбюро, рассказывал Алексей анекдот, а на нем надеты разные ботинки: один – черный, другой – коричневый. Что с Вами, Леонид Ильич, спрашивают его члены. Почему на Вас ботинки разные? А что я могу поделывать? – говорит он. – Дома стоят точно такие же.

Соломин смеялся. Про Брежнева анекдотов он не знал и в свою очередь рассказал байку из цикла про евреев, недавно услышанную им от Шуры Николева. Едет по рельсам поезд. И вдруг, сойдя с колеи, продолжает ехать по полям и перелескам, пока не останавливается у болота. Пассажиры выскакивают из вагонов и – к машинисту. «Ты куда нас завез»!? «Так, извиняющимся голосом отвечает тот, еврея на шпалах увидел». «Ну, и давил бы»! «Так, только что догнал».

Однокашники подошли к университету и сели на скамью возле географического корпуса. Содержимое бутылки быстро уменьшалось. Сердца теплели и просили песни.

В том дворе, где каждый вечер все играла радиола
и где пары танцевали, пыля,
все ребята уважали очень Лёньку Королева
и присвоили ему звание «короля». —

пел Ухов из Окуджавы. У Соломина грудь распрямлялась
от гордости, что у него такие уважаемые тезки: генсек и вот
— какой-то «король». Песню своего двора припомнил он:

В Кейптаунском порту,
с пробоиной в борту,
«Жанетта» поправляла такелаж...

Зайдя в общагу, собутыльники расстались. Каждый на-
правился в свою комнату. Леонид взял семиструнную гитару
Шуры Николева, который уехал на праздник домой, в Лысь-
ву, и стал перебирать аккорды, показанные ему хозяином ги-
тары: маленькая звездочка, большая звездочка, баре, лесен-
ка... А товарищ Ухов, переодевшись в домашнее (в общаге
он носил полосатые а ля матрас штаны, чем и без того имев-
ший успех у девиц еще больше их смущал), стал слушать
грампластинки и выкидывать некоторые из них в открытую
форточку. Красивый праздничный день, переходящий в ве-
чер, красивая музыка, красиво вылетающие из окна 5-го эта-
жа черные пластинки.

6. На ковре

Приходит как-то (это уже было весной) Лёня с занятий и чувствует некую торжественность обстановки.

– Мы глинтвейн варим, – говорит Шура Николев, – Соломенник, будешь?

Как не быть. Только слышал о сием напитке Леонид, ни разу не пробовал. Да и само слово «глинтвейн» звучит так романтично.

Шура выходит из комнаты на кухню и возвращается с кастрюлькой. Кастрюлька парит ароматами. Стаканы наполняются темно-красным питьем. Оказывается, глинтвейн – это горячее вино, в данном случае вермут, с добавлением специй. Не предполагал Леонид, что и без того горячительные напитки можно разогревать.

Пришли два соседа – студенты экономического факультета Женя и Вадик. Они часто заходили. Они с гидрологами познакомились, когда были абитуриентами: поступая, жили с ними в одной комнате. Экономистов тоже «подогрели» из кастрюльки. Потом все вышли покурить. Остались только Лёня и Женя. Вдруг последний говорит: «Пойдем, выйдем». Чувя недоброе, Соломин проследовал за ним в туалет. И в самом деле, выдавив сквозь зубы презрительное «ты», Женя замахнулся на Лёню кулачком. Удар пришелся со скользом, так, не удар – женщина поцарапала. Лёня ответно ударил в голову и тут же ногой в живот. Экономист согнулся. Тут открылась дверь, и появился комендант Форш. Он как будто

караулил, поскольку жил на другом этаже и обычно пользовался другим туалетом. Поймав драчунов, так сказать, с личным, он повел их в комнату студсовета. Выслуживается сука! – подумал Соломин. Про Форша поговаривали, будто он назначен на должность коменданта во исправление каких-то грешков, и чтоб остаться в университете, он взялся за эту работу.

Установив личности уличенных в пьянстве и драке, Форш для проформы поинтересовался причиной поединка.

– Мне его физиономия не понравилась! – заявил Женя.

– Мне тоже, – сказал Леонид сгоряча, хотя на самом деле он попросту защищался.

Уже на следующий день докладная была в деканате. Снова пришлось писать объяснительную. Соломин понимал, что висит на волоске: второй залет. И все-таки русский авось – надежда на чудо – не давал ему впасть в полное уныние. Тем более что реакция администрации протекала замедленно: шли дни, и было все тихо. Может, как-нибудь обойдется, думал студент, дадут еще одного строгача, и на этом успокоятся. Но гром грянул. Грянул он в виде фразы: «105-ая комната, завтра в полном составе в 11 часов – на ковер к ректору»!

С тяжелым сердцем, поникнув головой, ступил Лёня на большой красный ковер. Сели за длинный стол и таким образом оказались к Виктору Петровичу Живописцеву (его в шутку называли Ректор Петрович) влоборота. Держав-

шийся солидно, как того требует положение, он тем не менее казался скорее доброжелательным, чем строгим. Он вставал с кресла, прохаживался, обращаясь с вопросами то к «виновникам торжества», то к представителям деканатов. Шура Николев был спокоен и почти дерзок. Ничего не отрицал. В его тоне звучало: я – взрослый человек (и это соответствовало истине), хочу – пью, хочу – нет. Его рассудительность и чувство собственного достоинства не могли не внушать уважения. Виктор Петрович, похоже, думал так: ну, с этим динозавром все ясно, а что делать с остальными гавриками? Естественно, помимо поведения, речь зашла об успеваемости вызванного на ковер квартета. Успеваемость была неплохой, без хвостов, хотя и с тройками. Первокурсник-гидролог Паша, подражая Шуре, тоже бодрился. Зато самые молодые на вид Лёня и Малый явно были напуганы.

– Как участвуете в общественной жизни университета? – спросил ректор Лёню.

– Э-э-э... Помогаю делать факультетскую газету «Горьковец», – ответил тот, хотя вся его помощь сводилась к одному опубликованному там стихотворению. Лирическое, оно понравилось некоторым филологиням. Типа – осень, все падает и умирает. И грустит.

Отчего же тогда желтый лист
твоего сарафана так светел?

Иль не страшен ему буйный ветер,

грубый окрик, разбойный свист?

Сарафаны, конечно, давно из моды вышли, но ради ритма и рифмы чего не сошьешь! А вообще идея отличалась мало свойственным Соломину позитивом: типа – любовь сильнее смерти, по крайней мере, плюет на нее.

– Взгляните трезвыми глазами, что делается в вашей газете, – сказал ректор.

Леонид не понимал. Ну, проскальзывают детские шалости в виде нарисованной желтой пятки или двустигия: «К нам идет Новый год», и подпись – Проба пера. Ну, и что? В целом газета, на его взгляд, отражала жизнь факультета и, так сказать, творческое брожение.

Напротив Леонида сидела заместитель декана филфака – смуглолицая серьезная дама лет за 40. Когда очередь дошла до нее, она закончила свою короткую речь фразой: «Деканат ходатайствует об отчислении Соломина из вуза». Это конец! – подумал имярек. Он сидел ошарашенный, пока его не попросили подождать в приемной до окончательного решения и приговора.

За что!? – недоумевал Лёня. – Ну, выпил, подрался. И за это судьбу человеку ломать? В рабочей среде такой случай и проступком-то не считается. Неужели чем выше по лестнице карьеры и образования, тем больше жестокости и предательства?.. Разве он не хочет учиться, не старается? Он встретил здесь друзей, которые тоже пишут стихи. Это его круг. И вот

теперь надо возвращаться назад! И что он скажет матери? Выгнан за пьянку и драку! А она так обрадовалась, что сын поступил, что «выйдет в люди», не будет без образования, как она, всю жизнь работающая няней в детсаде, моющая полы, посуду и ночные горшки...

Лёнино выражение лица было настолько убитым, что выходящий от ректора человек лет за 30 (видимо, сотрудник университета) улыбнулся и понимающе спросил:

– Что, в первый раз?

Соломин кивнул.

– Ничего, обойдется, – сказал человек и протянул бедолаге коричневатый камешек, кажется, полевой шпат. – На вот, держи на память об этом дне.

Лёня машинально взял подарок и поблагодарил. Камешек потом долго хранился у него, пока не затерялся. Он оказался счастливым: действительно, все обошлось. Строгим выговором с занесением в личное дело. И для Леонида и для других жильцов 105-ой комнаты.

Что касается экономиста Жени, он вскоре пропал из виду. Рассказывали, что его исключили из университета. Но не за эту драку, а за воровство: он украл у соседа по комнате курточку. Между тем он был из благополучной семьи. Его мамаша работала то ли главным прокурором, то ли какой-то милицейской шишкой в столице Коми округа – Кудымкаре.

7. Предуралье

Электричка притормозила на станции Камаи. Собственно, станции как хоть какого-то маломальского строения не было. Соломин, взяв сумку с вещами, соскочил на насыпь. Справа – почти отвесная скала, поросшая местами лиственными деревьями, слева – крутой спуск к реке. Немногочисленные вышедшие пассажиры стали спускаться по тропке. Леонид, видя, что других путей нет, последовал за ними. За рекой стояло несколько деревянных домов разного возраста и объема, а также – летние коттеджики и палатки. Университетская база Предуралья. Здесь проходят практику студенты-биологи.

Но что здесь делает наш герой? Разве он биолог? Нет. Из всех видов животных он изучает только человека, да и то не внутренности его, а, так сказать, душевные порывы. Вот, например, какие порывы у этого пожилого, сидящего в лодке за веслами? Сразу видно, что он добр и не старается отломить жирный кусок от пирога жизни. Он довольствуется малым. Худой и небритый, он улыбается, открывая гнилые зубы, когда над ним подшучивают знакомые. Относительно дорогой водке он предпочитает дешевый одеколон. Посудите сами, водка стоит 3 рубля 62 копейки, иные сорта – 4. 12, а одеколон – 60-80 копеек. Рассказывали, что Парфюм (так его прозвали за сие пристрастие) даже за чужой счет отказывается от горькой, а спрашивает, нет ли чего из его пахучих напитков. Согласитесь, в этом выборе есть что-то изысканное, поэтическое, французское. И если Ален Делон не пьет

одеколон, значит он не француз. А француз вот этот Петя, Федя или как его там. Ведь одно дело – пахнуть водкой или даже коньяком, и совсем другое – испускать ароматы ландыша, жасмина, шипра, на худой конец, тройного. Парфюм весел пахучим весельем и счастлив, что перевозит людей с берега на берег там, где нет ни моста, ни парома, беря за переправу скромную мзду – 10 копеек.

Но мы не ответили на вопрос: что же здесь делает наш герой? А вот что: жильё он сюда приехал зарабатывать. Место в общежитии на следующий учебный год ему не дали. И пришлось снова идти к ректору. Кто-то подсказал попросить место из его фонда. Пришел: так-то и так-то. «Поработайте месяц на нашей базе, – сказал Виктор Петрович, – мы там дома жилые строим, и будет Вам, где жить». «Конечно, конечно!» – обрадовался Соломин. Ему даром ничего не надо, он заслужит.

И вот в начале августа, почти сразу после фольклорной практики, когда сокурсники разъехались на каникулы, он – здесь, в этом живописном уголке... Вас интересует фольклорная практика? Что ж, отвлечемся на нее. Но только кратко, тезисно.

Помните, как Шурик из кинофильма «Кавказская пленница» народные легенды, песни и тосты собирал? То же самое делают и филологи Пермского университета по окончании первого курса. Только тостов они не собирают. Урал – не Кавказ, какие тут тосты!? Тут пьют молча. На этот раз

и сказки не собирали, ограничились песнями. Процесс сбора таков. Предварительно договариваешься со старожилом данной деревни (в основном это бабушки). В назначенный час приходишь с ручкой и тетрадю. Старушка поет, ты записываешь.

В гости за песнями ходили вдвоем, втроем. Леонид скоперировался с Французом (так прозвали Игоря Хлебникова, который сначала поступил на романо-германское отделение, специальность – французский язык, а уж потом перешел на русское). Друзья хотели сочетать полезное с приятным. Они просили бабушку истопить для них баньку и организовать нехитрую закуску с огорода. Попарившись в баньке, садились за стол и доставали бутылку водки, купленную в местном магазине. Выпивали, угощали хозяйку и обращались к ней: «Спойте, Лизавета Егоровна!» Старушка пела, а студенты пытались записывать. Но народная песня – не лекция, разве за ней угонишься! Просить же продиктовать слова, то есть лишить песню мелодии, было неловко, да и не хотелось. После двух неудачных попыток Француз и Солома перестали брать с собой ручки и тетради, а просто выпивали и слушали.

– Ерунда! – сказал Француз. – У девок спишем.

И списали. Девочки баловали мальчиков, ведь их так мало на филфаке: примерно один к десяти.

Жили собиратели фольклора в школе, спали на полу. Парты, поставленные друг на друга, как бы делили класс надвое.

По одну сторону спали девочки, по другую – мальчики и несколько девочек, которые были постарше и менее стеснительны, чем прочие. Не поймите нас превратно. Ничего такого не было. Во-первых, тела располагались не попеременно. Единственный, кто лежал рядом с инополовым существом, был неопытный и застенчивый Леонид. Лишь однажды, выпив и расшалившись, он погладил девичий животик, да и то не у близлежащей сокурсницы, а через нее – у следующей. Тянулся он, тянулся, пока близлежащая не помогла ему перекатиться через себя: «Иди к ней!»! Вот тут-то он и потрогал запретный плод. И быстро убрал руку. Какую бурю чувств вызвало это прикосновение! Вай! Но – молчание, молчание!

Школа стояла рядом с заброшенной каменной церковью. Вокруг церкви – лопухи, крапива, бурьян. Дальше находился одноэтажный деревянный клуб. Будучи в хорошем настроении, заглянули туда как то Француз и Солома. Несколько юных селянок, обутых в резиновые сапоги, танцевали друг с другом. Парней чтой-то было не видать. Катюшки магнитофона, стоявшего на стуле, крутились и пели:

Виновата ли я, виновата ли я,
виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
когда пела я песню ему.

Однако вернемся в Предуралье...

Стройотряд, куда попал Соломин, состоял из 5-6-ти человек. Но то были не студенты, с которыми обычно ассоциируется слово «стройотряд». То были младшие и средние научные сотрудники – мужчины в расцвете сил, перешедшие рубеж 30-тилетия. Они приняли Лёню радушно, предложили не церемониться, называть их по именам и на «ты».

Позднее в бригаду, кроме Лёни, влились еще два студента: физик Костя и филолог по фамилии Соловей. Костя, как и Соломин, перешел на второй курс, а Володя Соловей был постарше – перешел на четвертый. Они также что-то просили у ректора и теперь зарабатывали желаемое: кто стипендию, кто академотпуск.

Этот Соловей был известной личностью в Перми. Точнее, он прославился, когда учился в 5-ом классе и снялся в кино про одного двоечника и второгодника, а сейчас о нем уж многие забыли. С тех пор он изрядно вырос и поправился. Впрочем, Лёня сразу узнал его по манере капризно выпячивать губы... Слава-стерва поманила Соловья, а затем показала кукиш. Он играл в различной самодеятельности, в том числе на студенческих веснах, но две-три попытки поступить в театральное училище провалились. И вот он изучает в университете английский язык, чтобы на нем поговорить с судьбою, раз она русский не понимает. Впрочем, в данный момент ни он английский, ни Лёня старославянский, ни Костя второй закон термодинамики – не изучают. Они затыкают мохом щели в стенах дома. Работа не трудная, но нуд-

ная. Одноэтажный двухквартирный дом возводит стройотряд. Деревянный дом из бруса.

В распоряжении отряда – мощный автомобиль «Урал», с кузовом, крытым брезентом, – машина военных и геологов. На ней подвозили стройматериалы и прочие необходимые вещи. Не хило! – подумал Леонид, когда впервые увидел машину и сидящего за рулем человека. Шофер, научный сотрудник Володя, был под стать управляемой им технике – массивный, небритый, с немного опухшим лицом.

После работы использовали автомобиль для купания. Володя загонял его в воду так, что скрывало задние колеса, и можно было нырять прямо с борта. Река Сылва в этом районе не широкая и не глубокая, но течение довольно быстрое. Лёня сначала купался в плавках, но потом по примеру некоторых старших товарищей стал нырять голышом, чтоб не выжимать и не сушить исподнее. Брезент кузова закрывал обнаженных мужчин от посторонних взглядов.

Случалась и баня у строителей. Университетская баня была просторна, как дом; там могло мыться сразу человек 10-15. Но париться в ней было затруднительно: это ж сколько дров надо, чтоб протопить такую! Однажды командир договорился с местным мужиком, и отряд парился в его баньке, которая топилась по-черному. Низкая (входишь в нее, полу-согнувшись), маленькая (два человека едва расходятся), потолок и стены, понятно, в саже. Но – жара! Выскакивали оттуда стройотрядовцы, как ужаленные, и бежали с горы по

тропинке в реку. Крякали в прохладной воде: хорошо!

Вечерами три-четыре человека играли в преферанс. Среди них один студент – Володя Соловей. Преф казался Лёне высшим пилотажем карточной игры: там нужно было много считать, предугадывать ходы, в общем, иметь математический склад ума. Лёня смотрел на игроков с уважением. Сам-то он научился с помощью гидрологов играть в кинга и покер, да и то не классический.

Спали три студента в романтической обстановке – на чердаке, где был дощатый пол, горела лампочка Ильича и стояло несколько кроватей. Треугольное помещение чердака и августовская ночь подталкивали к философским размышлениям.

– Добиться известности очень сложно, – улегшись, как-то сказал Соловей, помня свой горький опыт поступления в театральное училище и зная о намерении Соломина стать профессиональным литератором. – Вообще сложно вырваться из своей среды. Тебе еще повезло, что ты поступил и приехал в областной центр.

– Конечно, – согласился Лёня, но продолжал верить в свой талант и свою звезду. Жить без великой цели ему представлялось неинтересным и даже невозможным.

Внизу, под полом, точнее, под потолком, играла музыка. Там каждый вечер устраивались танцы.

Однажды шофер Володя с одобрения коллег привез целую бочку пива. Ее скатывали по трапу с машины, как с ко-

рабля. В воздухе запахло матросской лихостью. Пиво отливало в пару ведер. Хочешь, допустим, пить – подходишь к ведру и испиваешь из ковша. И идешь себе по делам дальше.

А вот еще картиночка, достойная пера. Рядом стоят и смотрят в одну сторону Соловей, научный сотрудник Сергей, маленькая девочка и две женщины, молодая и пожилая. Это приехали навестить Сергея теща и жена с дочкой. И он позвал знаменитого человека сняться с ними на память.

С этим Сергеем у Леонида вышло приключеньице. Как то поздним вечером они испили из ковша, и научный сотрудник предложил студенту: «Пойдем к девкам»! Лёня немного удивился, но отказываться было неловко. Вышли. На улице – тьма шпионская. Крадучись и прячась за деревьями, приблизились к палаточному лагерю, над которым горел единственный фонарь. Вдруг прямо в куст, за коим стояли ловеласы, впились несколько лучей от карманных фонариков. Раздался крик: «Стой»! От неожиданности горе-кавалеры бросились наутек. В считанные секунды Лёня очутился у дома, откуда они только что вышли и где жили научные сотрудники. Но погоня дышала в затылок. Не зная, куда спрятаться, студент забрался под родную машину «Урал». Надежда, что его маневр остался незамеченным, не продержалась и двух секунд. «Вылезай»! – раздалось над его головой. Леонид вылез. Перед ним стояли два крепких молодых человека постарше его. Сразу видно – комсомольцы, спортсмены и активисты.

– Кто такой? – спросил один.

Лёня объяснил.

– Что делали на территории лагеря?

– Ничего, гуляли...

– Почему побежали?

– Вы погнались, мы побежали.

– Понятно... А где второй?

Лёня понял, что проговорился. Проговорился, но еще не выдал.

– Какой второй? – прикинулся он шлангой. – Я был один.

– Ты сказал «мы».

– Ну, мы в смысле я.

– Ага, Мы Николай П...

– Да! – отчаянно сдерзил прижатый к стенке юноша.

– Дать бы тебе, да мараться не хочется.

Вот ведь какую злую шутку могут сыграть с человеком обстоятельства и врожденная деликатность. Стоял Лёня перед правильным крепышом, словно последняя мразь и враг народа. А почему? Потому что немного выпил и хотел посмотреть на милые лица девушек? Потому что не выдал товарища?.. А этот правильный активист. Разве замараться он боится? Нет. С каким удовольствием он отметелил бы Соломина и втоптал его в грязь. Но это может помешать его карьере. У него есть в жизни цель, и он будет идти к ней, наступая на горло собственной песне. У Соломина тоже есть цель, но он чувствовал, что она – в другой, может быть, противоположной стороне.

Пока один спортсмен допрашивал Лёню, второй сбегал за начальником лагеря. Им оказался старый знакомый – ленин тренер по баскетболу. Соломину казалось, что педагог-физкультурник с багровым лицом (отчего оно багровое?) всегда недолголюбивал его. Делал колкие замечания во время занятий, пытался публично поднять на смех. А тут, увидев Соломина в качестве нарушителя, прямо-таки обрадовался. Ни слова не говоря схватил студента за ухо, больно скрутил его, и потащил за ухо к дому. Открыл дверь и, толкнув шалопая в помещение, закрыл ее. Сам входить не стал. Шофер Володя лежал на кровати и флегматично смотрел на вошедшего столь необычно юношу. Лёня закружил по комнате. Его чувство собственного достоинства пылало, как ухо.

Получил! Так тебе! Бей его, жизнь, трепли за ухо, поставь ему фингал под глазом, стряхни с него романтическую пыльцу, разбей его розовые очки, чтобы он понял, в каком мире живет, чтобы научился презирать и ненавидеть. А за рекой возвышался темный силуэт скалы, и над ним мерцали звезды.

8. Декадент

Эксперимент якобы благодатного изолирования молодежи от старшекурсников закончился неудачно, и в следующем учебном году в «восьмерке» уже жили все филологи. Только Леонид попал в «девятку», поскольку получил место из фонда ректора. Общежитие № 9 стоит на улице Белинско-

го, рядом с упоминаемой Комсомольской площадью и Башней смерти. В нем обитают юристы и экономисты. Здание сие квадратной формы, поэтому коридоры там не линейные, как в «восьмерке», а идут по всему периметру. Комнаты рассчитаны на двух-трех человек. Потолки высокие. Все это и тот факт, что Лёня с экономистом Ваней Шумаковым полгода жили вдвоем (третья койка пустовала), укоренили Соломина во мнении, что «девятка» – общага тихая, почти безлюдная.

Стройный Ваня в качестве физкультуры выбрал бокс. Как то университетская секция бокса устроила публичные выступления. Лёня случайно зашел туда и увидел на ринге своего соседа. Ваня держался неплохо, но все-таки проиграл по очкам. Родом он был из Коми округа. У него была забавная, как казалось Леониду, манера называть себя полным именем. «Кто там»? «Иван».

Еще был у Ивана катушечный магнитофон и записи Владимира Высоцкого. Особенно впечатляла песня про Бермудский треугольник. Через призму психбольницы маячила вся наша страна. Тут и алкоголик, простой мужик, желающий выпить треугольник на троих. Тут и призрак грядущего капитализма:

Вон дантист-надомник Рудик.
У него приемник «Грундик».
Он его ночами крутит,
ловит, контра, ФРГ.

Он там был купцом по шмуткам,
но подвинулся рассудком
и к нам попал в волненьи жутком,
с номерочком на ноге.

Зашедший послушать Высоцкого знакомый юрист восхищенно смеялся.

А между тем такие Рудики стояли отдельной кучкой на Центральном колхозном рынке. Одетые в западные джинсы и кожаные куртки, они торговали теми же джинсами и дисками популярных рок-групп. За 50-80 рублей (это почти месячная зарплата) можно было купить альбом “Beatles”, или “Rolling stones”, или “Deep purple”. Джинсы «Врангель» и «Леви Страус» стоили около двухсот рублей. То есть шмотки были дороже музыки. Это мещанское, полуживотное начало особенно раздражало Лёню в западном мире. Органы, конечно, пасли Рудиков, но, как покажет будущее, не допасли. Да и ничего они не могли изменить в исторической перспективе, ведь жить хорошо – это у человека в крови, причем многие хотят жить хорошо за чужой счет. Неопределенный идеал коммунизма уступил в массовом сознании вполне осязаемому идеалу иметь дачку и собственный автомобиль. В ходу были поговорки: «Не об... бешь – не проживешь», «Своя рубашка ближе к телу» и прочие.

В соседней комнате обитал студент монголоидной расы. Его звали Родион Ге. Кореец, он приехал учиться в Пермь

из Средней Азии. Попади он в армию, русские бы дразнили его: «Ге, к ноге»! Но он попал в университет, в обитель культуры и интеллигентности. Родион был человеком открытым, не привыкшим прятать свои мысли. Так однажды, глядя на тонкую шею Соломина, он плотоядно произнес: «Ну, и шея! Так бы взял и задушил»! Не подумайте, не в сексуальном плане, а буквально. У него была нормальная ориентация. Хотя к мужским и женским половым органам и самому процессу совокупления он относился с каким-то детским отстранением. В начале летней сессии он вошел в комнату к Лёне и Ване, сел и философски заметил: «У меня сегодня счастливый день: я сдал экзамен и вы... бал бабу»! Одна из местных студенток нетяжелого поведения отдалась ему. Видимо, решила попробовать экзотики. Помолчав, Родион добавил: «Смешно!.. Как ишаки»!.. А ведь если посмотреть со стороны, и правда – смешно.

Иногда соседи ужинали вместе. Ге научил Шумакова и Соломина варить рис на пару, как это делают корейцы. Промытый рис заливаешь водой (на два пальца выше крупы) и варишь на малом огне с закрытой крышкой. Когда вода вся выкипает, рис готов. Но подглядывать за процессом, выпуская тем самым пар, нельзя. Надо знать, за какое примерно время испаряется данное количество воды. Рис получается сочным, рассыпчатым. Однако кастрюлю приходится мыть как внутри, так и снаружи. Кореец ел рис не только в виде гарнира, но и с супом, вместо хлеба.

В сентябре, на третий курс он не приехал. Возле деканата экономического факультета повесили объявление, извещавшее, что он трагически погиб. Рассказывали, что Ге управлял грузовым мотороллером, так называемым «муравьем», и опрокинулся с ним в овраг. «Муравей» оказался сверху.

Еще на первом курсе гидролог Паша пел (точнее, пытался петь, ибо медведь слегка отдал ему ухо) песню какого-то барда о заморозках. Запомнились только печальный настрой и красивая рифма «за море сгинь – заморозки». И вот теперь Лёня написал собственный текст на эту тему.

Ветер затих. Морозящий дождь
кончился. Стынут земные ростки.
Ясное небо. Своей чередой
выпадут ночью заморозки.

Стаи умчались, кому-то крича:
«За море сгинь, за море сгинь»!
Он неизбежен, холода час –
белые, бледные заморозки.

Этой порой лет немного назад
дед мой покинул жилище тоски.
Ярче обычного звезды горят.
Заморозки, заморозки...

Однокурсник Соломина Юрий Ованесян, тоже поэт, похвалил стихотворение. Честный Лёня признался, что есть такая песня, и он лишь по-своему припомнил ее. «Ну, и что, – сказал Юра, – все равно это твое!» Соломину было приятно.

Ованесян был первым, кого он увидел из юношей-однокашников, когда поступил. Они встретились в вестибюле общежития. Недавно вернулся из армии Юрий и, кажется, не снял еще форменных брюк. А может быть, снял, потому что он хотел забыть армию, как страшный сон. Он служил во Внутренних войсках, охранял зэков на зоне строгого режима. Он рассказывал, как один молодой зэк прямо в строю, когда их повели на работы, достал свой хрен и начал заниматься онанизмом. Он рассказывал, как стоял по несколько часов на вышке в 50-тиградусный мороз, и, чтобы не замерзнуть, шагал из угла в угол, а чтобы не сойти с ума, читал по памяти наизусть «Евгения Онегина». Однако ни мороз, ни зэки, а свои же сослуживцы, «деды», доводили до состояния, когда хотелось выть, совершить побег, начать стрелять. И вот, пройдя весь этот ад, Юра словно очутился в раю – в университете, где можно и нужно читать любимую литературу, где тебя окружают красивые девушки и культурные юноши, пишущие стихи. Природная жизнерадостность, попав на благодатную почву, быстро вернулась и расцвела. Юрий вроде бы забыл о своей «школе мужества». Но такое не проходит бесследно. Оставшийся на душе шрам заставлял его время

от времени вспоминать, и позднее он напишет не одну повесть на армейскую тему.

Ованесян прозвал Соломина «декадентом». За что же? А за то, что, когда напивались, тот читал стихотворение Федора Сологуба.

Когда я в бурном море плавал
и мой корабль пошел ко дну,
я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
спаси, помилуй, я тону!
Не дай погибнуть раньше срока
душе озлобленной моей.
Я власти темного порока
отдам остаток черных дней»!
И дьявол взял меня и бросил
в полуистлевшую ладью.
И там нашел я пару весел,
и парус ветхий, и скамью.
И вынес я опять на сушу,
в больное, злое житие
свою истерзанную душу
и тело грешное свое.

Федор Сологуб был представителем так называемого «серебряного» века русской поэзии (начало XX столетия). Советские литературоведы не любили серебра, им золото пода-

вай. От огромного культурного пласта они оставили несколько имен. Прочие были отброшены как мелкобуржуазные писатели-декаденты. Причем в декадентах ходил и мрачноватый Сологуб, и жизнелюбивый Кузмин, и мужественный Гумилев. Студенты-филологи узнавали из лекций и хрестоматий о существовавших тогда литературных течениях: символизме, акмеизме, футуризме. Назывались некоторые их адепты, приводились как пример некоторые их строки. И все. Книг этих авторов днем с огнем было не сыскать. Так где же Лёня откопал приведенный текст Сологуба? Дело в том, что он читал то ли мемуары, то ли роман, где говорилось о левом эсере Борисе Савинкове и о том, что это его любимое стихотворение.

Во время застолий поэты непременно читали стихи. Свои и чужие. Декадент Соломин всегда «плавал в бурном море». Сначала один, а потом его стал поддерживать Ованесян. И вещь Федора Сологуба сделалась знаковым, программным атрибутом сборищ.

9. Неудачный побег

Из общежития № 8 вышел молоденький студент, одетый в оранжевое пальто с воротником из искусственного меха и черную кроличью шапку. В руке он нес оранжевый портфель. Путь лежал мимо исторического корпуса и ботанического сада, который в зимнее и темное время являл собой печальное зрелище: голые черные стволы деревьев и кружащи-

еся над ними стаи ворон. Особенно много ворон слеталось в морозы (студент никогда не видел такого количества птиц, казалось, они заполнили все небо), они кружили и страшно кричали. Но сегодня было довольно тепло, и зловещие пернатые не столь привлекали к себе внимание.

Пройдя через арку железнодорожного моста, студент вышел на привокзальную площадь. На дороге его (дороге, ведущей к дому, точнее, к общаге № 9) стоял фургон с маленьким зарешетчатым оконцем. Желая обогнуть машину, студент слегка покачнулся. Тут же заботливые руки людей в форме подхватили юношу и помогли ему подняться внутрь фургона. «За что»!? – возмутился было молодой человек. Но милиционеры только улыбнулись.

В тусклом свете лампы плавали облака табачного дыма. Сквозь облака виднелись несколько мужских физиономий. Они были не злые, скорей, добродушные. Но они были кривые, и вообще вся атмосфера отдавала безумием, поэтому студент подумал, что он попал в ад.

Машина тронулась. Фургон покачивало, иногда резко бросало в сторону. Иногда случалась остановка, и адское общество пополнялось еще одним лицом. Шел сбор урожая неустойчиво стоящих на ногах людей («Поле, русское поле, я твой тонкий колосок»!).

Дзержинское отделение милиции гостей принимало. В открытой комнате (как зайдешь – справа) лейтенант устанавливал личности и составлял протоколы. Личности, дожидав-

шиеся своей очереди, находились дальше по коридору: кто-то сидел на корточках у стены, кто-то шатался. Студент очутился в какой-то нише, на лавке между старой женщиной и пожилым мужчиной. Сердобольно глядя на него, женщина сказала:

– Такой молоденький, а ты как сюда попал?

– Да вот, день рождения однокашника отмечали.

Видя к себе участие, филолог пожаловался:

– Да я и не пьяный, идти могу, соображаю. За что забрали!?

– А у них тут план, – сказал мужчина. – Наберут столько-то человек в месяц – получают премию. Вот они и стареются.

Дыхание безумия снова ощутил студент. Как же далеко зашел основной принцип социалистической экономики – планирование! Им – премия, а мне – прощай, университет, теперь уж точно, – подумал он. Вдруг какой-то мужик, стоявший в коридоре рядом с нишей, наклонился к нему:

– Беги, парень, пока дверь открыта и сержанта нет!

Парень встал и медленным шагом пошел к выходу. Как проскользнуть мимо комнаты, где принимают гостей? Мимолетный взгляд бросил он туда и сразу отвел глаза, боясь привлечь внимание лейтенанта. Кажется, тот не заметил его. Или заметил? Но вот студент уже во дворе. Никого! Бегом – за трансформаторную будку. Он оказался между будкой и каменным забором. Недолго думая, он перекинул через за-

бор портфель, подпрыгнул, подтянулся и перевалился сам. И замер, лежа в неглубоком сугробе, поскольку мимо проходил одинокий гражданин. Опять перед филологом встал философский вопрос: заметил или не заметил? Он ждал, пока человек пройдет. Но бдительный гражданин советской республики не только заметил прыжок через забор, но и быстро сбежал за сержантом.

Позднее Соломин анализировал, когда же он прокололся? Тогда ли, когда полез через забор, в то время как можно было спокойно выйти через открытые ворота? Однако тут он извинял себя тем, что боялся высунуться из-за будки, поскольку не был уверен, что кто-либо из милицейских не проследил за ним. Да и видел ли он, что ворота открыты?.. А быть может, вместо того, чтобы переждать в сугробе, надо было поговорить с бдительным товарищем? Попробовать объяснить ему, что он никакой не преступник, а студент, сбежавший из трезвака. Да и где это видано, чтоб уголовники ходили с портфелями, в которых – книги и тетради!?

Составив протокол, лейтенант приказал студенту раздеться. Как это? Обыкновенно – до трусов. Чувствуя унижение, Соломин подчинился. Приняли вещи по описи они. Тут же, в комнате находилась ниша с душем. Неужели еще помогут!? – подумал Лёня. Но нет, под душ его ставить не стали: как никак парень вменяем. Сержант провел его через коридорчик в спальню, дверь которой была выполнена все в том же строгом стиле – зарешетчатое оконце украшало ее.

В спальне стояло с десяток железных коек. Несколько из них были пусты. Студент занял свободное место у стены, недалеко от двери. Он почувствовал, что между простыней и матрасом постелена клеенка. Как в детском саду! – усмехнулся он. На клеенке, в непривычной обстановке и вообще после пережитого ему не спалось. К тому же один клиент громко клянчил у сержанта сигарету. Клянчил, пока дверь не открылась и не вошел милиционер с распечатанной пачкой. «Только быстро»! – сказал он. Лёня тоже попросил закурить... Наконец, сержант выключил свет. Мужчины, ставшие на ночь детьми, тревожно забылись.

Полшестого утра раздался мужской голос: «Подъем! Выходите одеваться». Как там у Высоцкого? «Разбудит утром не петух, прокукарекав, – сержант подымет, как человека». Помятые личности потянулись к выходу.

Лейтенант, выдав Соломину портфель и студенческий билет, сказал:

– У тебя было 5 рублей. Мы их взяли в счет услуги, которая стоит 15. Если до 11 часов привезешь остаток, сигнал в деканат не поступит.

– Конечно, привезу! – обрадовался Лёня. Опять ему повезло, легко отделался. Но совесть все-таки мучила его. Особенно с похмелья. Особенно когда он думал о маме. Бедная мама! Сынок за тройки лишился стипендии, и она выкраивает ему из скудного семейного бюджета 60 рублей в месяц. Она-то думает, что деньги идут на питание. Но часть денег

пропивается и даже – вот! – выплачивается за вытрезвитель.

10. Поцелуи

«Восьмерка». Кухня на 4-ом этаже. Пол устлан керамической плиткой. Вдоль стены – газовые плиты. Но горят они преимущественно вечером. А сейчас день, и кухня пуста. Впрочем, не совсем... В одном месте у пола вскочила шишка в виде квадратного выступа, выкрашенного светло-коричневой краской. На этом выступе сидят филологи: второкурсник Леонид Соломин и студентка 4-го курса Варвара Диденко. Они сидят спиной к плитам и лицом к окну, за которым апрельский день млеет. О чем они говорят? О литературе? Быть может. Но мысли их постоянно сбиваются на другое. Вот они замолкают, он берет ее за руку. Они целуются. «От тебя пахнет детством», – говорит она.

Лёня познакомился с Варей на танцах, которые случались каждую субботу тут же рядом, в холле. Убирались стулья и телевизор, на подоконник ставился катушечный магнитофон и колонки. Выключался свет и – пошла потеха! С больших крутящихся бобин летели «Бони М» и прочий запад. На деревянном щитке загорались и гасли разноцветные лампочки. Светомузыка!

Лёня пригласил на медленный танец дивчину с немного смуглым лицом и темными, подстриженными волосами. Кажется, стрижка называется «каре». От выпитого перед танцами вина, светомузыки и близости сбитого девичьего тела

глаза у Лёни сделались раскосыми.

– Ты похож на турка, – сказала дивчина.

Хорош турок с курносым носом!..

Варя приехала учиться в Пермь из Минеральных Вод. По слухам у нее здесь был парень, но они расстались. Лёня не спрашивает ее об этом. Она приятна и желанна ему, но о свадьбе он пока не задумывается. Ей он тоже приятен, однако она понимает, что ничего серьезного у них не получится. Через год с небольшим она закончит учебу и уедет к себе на родину, а он останется еще на два года. И если даже он увлечен ей сейчас, за это время, конечно, полюбит другую. Кроме того, она чувствовала, что старше и опытнее его, и предаваться любви с мальчиком, девственником казалось ей не совсем приличным. Поэтому ни с той, ни с другой стороны не было особого напора, заинтересованности в развитии отношений. А было так: встретились, поцеловались, разошлись.

Они целовались на кухне. Но это не первый лёнин поцелуй...

Осень. Одноклассники один за другим уходят в армию. Сегодня уходит Витя Вылегжанин. Провожающие уже хороши: успели и покурить на лестничной площадке 5-тиэтажного дома, и песен попеть. Тут кто-то сказал: «А пошли, сбегает ненадолго к Сережке Белкину. Его тоже сегодня провожают». Белкин учился в параллельном классе, и Соломин был мало с ним знаком. Но за компанию побежал.

Очутились в частном доме на окраине Копиграда. В сенях поняли, что прибыли под занавес: публике уже надоело сидеть за столом, и она разбредалась. Среди молодых людей вертелись две раскованные девицы. Быть может, их расковало вино, а может, они такие и были. Одна – полненькая, кудрявая, другая – плосковатая, рыжеватая, с конопушками на лице и плечах.

Кто-то из хозяев дома провел вновь прибывших в комнату выпить по рюмке. Окно там было раскрыто настежь, из палисадника веяло осенней прохладой. Однако стойкий запах пирушки пока не поддавался ей. На столе царил хаос: грязная посуда, кое-где объедки и недопитый самогон. Водка из экономии покупалась на проводы по минимуму. Кто хотел, догонялся самогоном. Но здешние хозяева побили все рекорды по хлебосольству: рядом со столом на табурете стояла большая (ведра на три) кастрюля с домашним крепким пивом, открытая и на четверть опустошенная. Эта кастрюля особенно поразила Лёню.

Выпив рюмку, он в сени вышел. И тут же очутился в объятиях рыжей девицы. Кто начал первый, он не понял. Кажется, они потянулись друг к другу одновременно. Подружка ее, видимо, подцепившая парня, куда-то исчезла. Этой тоже нужен был парень. Из провожающих Белкина на нее никто не клюнул. И тут подвернулся Соломин. Выпей он меньше, он бы прошел мимо: девушка была не в его вкусе. Они стали целоваться. Они целовались сначала в сенях, потом на улице

перед домом. Не очень приятная со стороны картина: в самом деле, слиплись, как собаки. Один юноша сделал Лёне замечание: «Слышь, перестань сосаться»! Тогда тот потащил девку туда, где меньше народу, – в забой.

– Куда? – спросила она.

– Туда.

Забой начинался рядом, на соседней улице. Назывался он так потому, что в этой холмисто-овражной местности издавна брали глину для близлежащего кирпичного завода. Сладкая парочка перешла дорогу и скрылась от окон деревянных домов в овраге. Склон оврага был покрыт пожухлой травой и, кажется, каким-то мусором. Но Лёня не стал искать места почище. Тем более уже стемнело. Положив девицу, где стояли, целуя ее, он залез ей рукой под юбку. О, сколько в мире препятствий! На ней были колготки. Кроме того, предстояло оголить и свой зад, чего Лёня стеснялся. Он вообще боялся, что их застукают. И поза! Поза оставляла желать лучшего: они лежали под углом 45° ногами вниз. Дойди до дела, и он начнет съезжать с нее, постоянно выпадать, так сказать, из лона. Вот уж и смех, и грех! Почувствовав его неопытность или, может, опасаясь сдавать крепость при первом натиске, девушка мягко сказала: «Пойдем». Лёня тут же согласился.

Позднее он мельком увидел ее, но не подошел. Она работала маляром в соседнем цехе, красила готовое оборудование. Одноклассник Гера Быстров, также работающий на заводе, как-то сказал ему:

– Тобой интересуется такая-то.

Соломин понял, о ком идет речь.

– Нет. Это легкая добыча, – ответил он.

Они сидели на скамье, на площади Дзержинского. Слева – проходные одноименного завода, справа, за трамвайной линией и минипарком – географический корпус университета. Впереди – железнодорожный мост, а позади, на высоком постаменте – высокий человек с бородкой клинышком, «железный» Феликс.

Они не виделись месяц, и опять нужно было начинать все сначала. Как вернуть ту (на кухне) близость? Что сказать перед тем, как перейти к поцелуям? Лёня завидовал своему приятелю Французу. Он живет в одном общежитии с Варей, встречается ее каждый день и даже подшучивает над ней: «А Диденко голый»! Что это – цитата из фильма или он случайно застал ее в душе?

Пытаясь скрыть стеснение, Лёня говорил о том, о сем. Но разговор только удалял от главного. Может, просто взять ее за руку? Нет, нужен какой-то переход...

Варя с нежностью и жалостью смотрела, как мальчик мается. Наконец, он сказал:

– Поедем ко мне?

Как видим, от скромности до нахальства один шаг.

– Зачем? – спросила она.

Ответить: «Я хочу тебя» – означало оскорбить девушку.

Лёня промолчал. Потом он произнес: «Ладно, пойдем, я тебя провожу»... И они расстались. Как оказалось, навсегда.

11. Картошка, или продолжение поцелуев

Их поселили в доме на краю деревни. И не только – деревни, но и на краю холма, на котором находилась деревня. Сразу перед домом начинался пологий спуск в довольно обширную низину, занятую совхозными полями. Дом был нежилой и предназначался для таких, как они, сезонных работников. Одноэтажный, деревянный, он состоял из трех комнат. Самая маленькая (средняя) комната досталась юношам, ведь их мало. Кроватей не было. Вдоль одной из стен шли нары.

Нары так нары! Не на курорт приехали! Приехали помогать селянам снимать урожай. Правительство твердо держалось политики единения классов и прослоек, чтобы все чувствовали, что живут в стране как в единой семье. Деревне трудно – город поможет! С воспитательной точки зрения особенно это полезно интеллигенции, чтобы, значит, не замыкалась в кабинетах и аудиториях, не отрывалась, так сказать, от земли. Если театр начинается с вешалки, то ВУЗ начинается с картошки – каждый учебный год, кроме последнего, дипломного.

Днем студенты шли за автокопалкой, собирали яблоки земли, как называют картофель французы. А вечером хватало сил повеселиться. Вот, например, в один из вечеров открылась дверь дома, обдав светом несколько метров земли, и

вышли две пары. Юноши захватили в сарае поленья. Четверка спустилась немного по склону, нашла ровную площадку и развела костер. Теплом повеяло на них извне и изнутри, ибо они выпили вина. Потекла беседа, зазвучали стихи. Искры летели в темное небо.

Парни и девушки были однокашниками, и не больше. Но большего, разумеется, хотелось. И вот одной паре скоро наскучил литературный разговор: легли на подстеленную куртку Лёня и Мила и стали целоваться. Как все-таки вино способствует сближению! – думал Соломин. – Разве без него я осмелился бы?! Он целовался с высокой брюнеткой, обладающей крупными слегка навывкате глазами. По паспорту она Людмила, но сама себя и все зовут ее Мила. Это несколько необычное сокращение имени, и это лучше, чем Люда.

Вторая пара в лице Юры Ованесяна и Вали Рощиной делала вид, что не замечает двух падших ангелов, и продолжала говорить на высокие темы. Однако Ованесян удивленно подумал: Ни хрена себе! Тут ведешь любовную войну профессионально, начинаешь издалека – с артобстрела, тайно и не спеша копаешь под крепость. А эти голубки сразу раз – и сошлись в рукопашной! Хорошо им, детям!

Вино кончилось. Костер догорел. Лёня помог девушке подняться на ноги. Он обнял ее за талию и повел вверх по склону. Впереди шли Юра и Валя.

И снова был вечер. И снова голубки стали целоваться. Лёня завел Милу в комнату мальчиков и положил на нары. Там,

где спал сам, ближе к двери. В комнате было сумрачно и, казалось, пусто. Но нет: на противоположном краю нар, у окна, зашевелился Вова Шкловский. Он терпел, терпел воркование птичек, впрочем, вполне невинное, а потом что-то недовольно произнес. Пришлось спуститься с крыши на землю.

Мила, девушка общительная, как то обмолвилась в кругу однокурсниц, что Соломин хорошо целуется. У Нины Мазурок отложилось это в голове, а может быть, глубже – в подсознании.

Студенты возвращались с ужина. День уже начал темнеть в лице. Шли по главной деревенской дороге от школы, где была оборудована летняя кухня, к дому. Сегодня дождь не лил, и дорога подсохла. Но приходилось обходить выбоины, наполненные водой. Леонид и Нина разговорились. Леониду казалось, что его былые чувства к Нине перегорели, что ему нечего терять, и он держался самоуверенно, почти нахально. И на подходе к дому отстали от прочих старые знакомые. И остановившись на дороге, начали они целоваться. Пухлые губы Милы, пожалуй, помягче, но с Ниной связана сердечная рана, и она опять стала кровоточить.

В село приехал ВИА – вокально-инструментальный ансамбль. Не знаменитый, музыканты – те же студенты, но все равно событие. Собрался почти полный зал. Две гитары, синтезатор и ударник расположились на сцене. Популярные песни из репертуара известных советских ВИА зазвучали. Например, такая:

Еще деревья спят под снежной тяжестью,
еще кружатся белые метели,
а мне все кажется, а мне все кажется,
что ты вдруг скажешь: «Первое апреля»!

Непонятно, чего герой песни столь радостно предвкушает, ведь первое апреля – день обмана. Как бы ему потом не пришлось запеть: «Ты ж мне пидманула»!

За ударной установкой сидел стройный молодой человек в джинсах и темных очках. Лёня знал, что он и Нина знакомы. Сережа (так звали барабанщика) несколько раз заходил к ней в общежитие. У него была порывистая походка, которую одна остроумная филологиня определила так: каждый шаг как последний! Поговаривали, что Сережа играет в карты на деньги и – даже! – пользуется наркотики. Лёня слушал лирико-оптимистическую эстраду, но легкая паутина тревоги мешала ему.

У клуба стоял автобус, привезший музыкантов. Они вошли в него вместе с инструментами и предложили студентам подвезти их до дому. Тем более что было по пути. Сами они ехали дальше, в следующее село. В числе принявших предложение были Лёня и Нина. Как Соломин и ожидал, красавица села не с ним, а с барабанщиком. Оно вроде бы понятно: встретились знакомые, хотят поговорить. Но ревнивое сердце твердило другое: ей нравится он, а не ты. Он лучше тебя

и лицом, и телосложением. К тому же он музыкант, барабанщик. А ты кто? Поэт? Может, ты ездешь, как Маяковский, с концертами по стране?.. То-то... Смотри, на нем фирменные джинсы, а на тебе что? Брючки в полосочку от Москвошвея и форменная голубая рубашка, подаренная дядей-пожарником и приталенная матерью. Так чего же ты ждешь, на что надеешься? Отстань, проклятое, ничего я не жду!

Приходилось ли вам в погожий сентябрьский денек, сидя под березкою, пить водку, закусывая одним арбузом? Нет, вам никогда это не приходилось! А Соломе и Французу повезло. Какие краски, какая палитра! Сверху – голубое небо; солнце – желтый карлик – пригревает так, что приятели сидят в одних майках. Внизу – желто-зеленый ковер из травы и падшей листвы. А вокруг березки и осинки чуть шелестят под легким ветром; и облетают, облетают... И, наконец, красный, как пионерский галстук, арбуз! «Я выберу звонкий, как бубен, кавун и ножиком вырежу сердце»!.. Водка, конечно, дрянь. Да тогда и не было качественного спиртного. Во всяком случае, для широких масс. Впрочем, пили не из гурманских соображений, а для того, чтобы забалдеть. Неприятный привкус «Пшеничной» (на самом деле – опилочной) хорошо сбивать томатным соком («красная Мэри») или вот арбузом. «Tu sais, tu sais»?⁵ – напевал Француз из Джо Дассена. «Как не знать, – сказал Солома, – индийское, по-русски говоря, бабье лето наступило. Потом

⁵ Ты знаешь, ты знаешь? (франц.)

будет зима, похмелье, но это будет потом».

Пили они днем. Под вечер он проснулся. Страшно хотелось есть. У девушек остался суп, сваренный в ведре. Он ел его прямо из ведра.

12. Контакты

На третьем курсе снова не дали общагу Соломину. Спасибо – выручили однокашники. Игорь Хлебников предложил своим соседям по комнате – Ухову, Шкловскому и Шишкину: «Пусть Солома поживет у нас на раскладушке»? Те согласились. Так Лёня стал пятым жильцом на четырехместном пространстве. Вечером он раскладывался в центре комнаты, а утром преломлял свою легкую кровать пополам и убирал ее в шкафчик Вовы Шкловского, благо, тот был почти пустой.

Вове исполнилось 27 лет. Он отслужил в армии (работал оформителем при штабе), закончил вместе с Уховым раб-фак. Учеба давалась ему тяжело, но зато он хорошо рисовал. Он подсмотрел в польском журнале картинку и изобразил ее в конце общежитского коридора – белой краской на зеленом стекле: две пары ступней, чье расположение недвусмысленно указывало, чем занимаются хозяева этих ступней. Блондин невысокого роста, внешне Шкловский выглядел не старше прочих. Разве что чуть-чуть. Плотноватый Ухов смотрелся солиднее его. Но возраст Вовы (или это не зависит от возраста?) выдавало его то и дело соскальзывание в цинизм и пошлость. Не будучи красавцем и не имея успеха у однокурс-

ниц, он похвалялся перед юными Хлебниковым и Шишкиным своими прежними похождениями и говорил о девушках сальности. Шишкин смеялся, поддакивал и старался подражать Вове. Хлебников-Француз морщился, сравнивал Шишкина с шакалом, подлизывающимся к тигру, из мультфильма «Маугли». «А мы пойдем на север, а мы пойдем на север»! – дразнил он его. Ему, Французу, для общения более подходил Соломин, но тот был поэт, вращался среди поэтов. В результате Игорь ощущал себя в каком-то промежуточном положении: не с теми, не с этими.

Выключив свет и отходя ко сну, спросил как то Ухов Шкловского о смысле жизни. Ради чего и как прожить, как он думает? Шкловский ответил, что надо просто пожить для себя, а общественная польза, идеалы – все это для дураков. Ухов соглашался. Что значит для себя? – недоумевал Лёня, лежавший между ними на раскладушке. – Опять мещанское вращение вокруг тела: поесть, поспать, машина, дачка? Не то чтобы он был идеалистом, он и сам видел, что реальная жизнь и коммунизм – две вещи несовместные. Но надо же совершить нечто яркое: полететь в космос, спуститься в Марианскую впадину или хотя бы сделаться скандальным поэтом!

Буржуем прозвал Ухова Француз, и, как видно, не только за солидное телосложение.

Однажды, когда все улеглись, приоткрылась дверь, впу-

стив немного света из коридора, и восточный человек с акцентом спросил: «Ухов здесь живет»? «Здесь», – отозвался Ухов. «Выйди, пожалуйста, на минуту». Алексей стал надевать брюки. Почувяв неладное, Соломин последовал его примеру. Студент-азербайджанец предложил спуститься в вестибюль. Пока спускались с 4-го этажа на 1-ый, к ним присоединились еще несколько студентов. В вестибюле собралось человек 10-15 русских и восточных людей. Пахнет коллективной драчкой! – подумал Лёня. – Причем, драчкой по национальному признаку.

– Ты назвал его чуркой? – спросил Ухова красивый азербайджанец по имени Фархад, указав на младшего соплеменника.

– Ну, допустим, – сказал тот.

– А-а-а! – хором крикнули Фархад и стоявший рядом с ним армянин Самвел и вытащили 4 ножа – в каждой руке по ножу.

Ни хрена себе! – подумал Лёня. Алексей Ухов бросился по коридору и по лестнице на второй этаж, где находились аудитории. За ним – вооруженная пара и все остальные, в том числе невесты откуда взявшиеся, кричавшие девушки.

Кажется, кавказцы решили устроить спектакль устрашения и не собирались доводить дело до крови. Поэтому, попрепившись, они дали девушкам увести Алексея. Ушли и сами.

– Что они, драться не умеют!? – сказал все еще возбужденный Леонид какой-то девице. – Сразу за ножи хватаются.

Это же уголовщина!

Девушка неопределенно усмехнулась.

Позднее, на пятом курсе, произошел другой «национальный» случай.

Француз и Солома приняли на грудь, да не хватило. Время позднее, магазины закрыты, к таксистам идти неохота, да и денег нет. «Пойду, у баб одеколон поищу», – сказал Француз. И вскоре вернулся с флаконом «Ландыша». Вылили они его в железную кружку, разбавили в умывалке водой из-под крана – получился напиток, похожий на молоко. Испили они молока от дурной коровы, сидят между умывалкой и туалетом, курят. И тут к ним юный азер привязался. Лёня так и не понял, чем тот недоволен. Напирает, понимаешь, и словом и телом на старших русских товарищей.

Мы – ему: успокойся, тебя ведь не трогают, вот и иди своей дорогой. А он ни в какую, наверно, вообразил, что мы трусили. И продолжает тянуть то на меня, то на Француза. Тогда я решил использовать последний психологический аргумент: иди, говорю, ты победил, только отстань и иди. Но такая победа не устроила смуглого брата. Наседает, что с ним будешь делать! Пришлось съездить ему в ухо. Он, было, кинулся на меня, но Француз прижал его к стене. Вот когда он успокоился. И ушел. И пожаловался старшим соплеменникам.

Через несколько дней сосед по комнате Аркаша Фалов со-

общил Соломину, что его спрашивали азербайджанцы. Лёня был к этому готов. Он ждал приятной встречи, но встреча так и не состоялась. То ли жалобщик что-то недоговорил, не указал конкретно человека, нанесшего ему правый боковой, то ли засовестился (сам ведь нарвался), рассказал, как было дело, и попросил не трогать Соломина.

Лёня шел по коридору. Из своей комнаты вышел человек, отмеченный им в ухо. Они встретились глазами, но не сказали друг другу ни слова. Лёня чувствовал, как тот провожает его взглядом. Во взгляде азербайджанца было уважение и удивление. Казалось, он не ожидал, что среди русских попадают благородные и смелые люди.

13. Осколки

Филологи зашли поужинать в самый близкий от их места жительства ресторан – ресторан на вокзале Пермь II. Гардеробщица и, видимо, по совместительству швейцар раздела всех, кроме одного студента.

– Тебе нельзя, – сказала она ему, – ты несовершеннолетний.

Лёня возмутился: да я студент 3-го курса, да мне 20 лет! Но не случилось у него с собой ни паспорта, ни ученического билета. Однако друзья помогли ему отбиться от гардеробщицы.

И было фирменное блюдо – солянка, и была водка, и проходящие за большим панорамным окном поезда.

О Нине рассказывали такой случай. Встала она в очередь в магазине. Какая-то старушка взглянула на нее и всплеснула руками: «Ой, ангел»!

Лёня готов был согласиться со старушкой: все красивые девушки казались ему ангелами. Он даже сомневался, что они едят, не говоря уж о том, чтобы ходить в туалет.

Проходя по коридору мимо холла, Соломин посмотрел на экран телевизора. Начиналась программа «Время» (девять часов); как обычно, с новостей из Политбюро начиналась. У высокопоставленного тезки во рту завелась каша, и его трудно было понять. Да, сдает старик, грустно подумал Лёня, а и то ведь... попробуй, поуправляй целой империей! А каким орлом летал! Брови черные... На кабанов охотился, как бешеный гонял на иностранных автомобилях. Вот помрет, как мы будем без него коммунизм достраивать!?

Шишкин ходил и напевал на мотив из рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда»: Наш Ильич, наш Ильич, наш дорогой Леонид Ильич!

Поговаривали, что КГБ держит ВУЗы под контролем, и на каждом факультете есть стукачи. Лёня внимательно всматривался в лица сокурсников: вроде, все люди как люди, ни один на стукача не похож.

Поговаривали, что уж многие студенты в черные списки

занесены. Неужели и я попал в эти списки? – думал Соломин. – Неужели пьянства и поэзии достаточно, чтобы считаться неблагонадежным? Пожалуй, что достаточно... Он представлял эти списки буквально – как черные листы бумаги с длинным перечнем фамилий, написанных белыми чернилами.

14. «Времири»

Поэт, сокурсник Соломина, Андрей Беленький предложил организовать поэтическую группу и придумал ей название – Времири. Он взял этот неологизм у Велимира Хлебникова: «Пролетели, улетели стая легких времирей». Лёня принял это название, потому что оно было необычно и потому что связано со временем. То есть вставал вопрос: времири, как все и вся, временны или они преодолевают время своим творчеством?

Несмотря на несколько грубоватое, словно рубленное топором, лицо, Андрей Беленький имел тонкую душу и любил поэзию. Он выискивал по библиотекам и хранилищам разных малодоступных мастеров, таких как Мандельштам, Хлебников, Нарбут. Учась у них и им подобных, он плотно работал с метафорой, тогда как Соломин застрял на уровне позднего Есенина, то есть, по сути, в XIX веке (ибо поздний Есенин отдавал крупную дань Пушкину). Честолюбивый чертик, водившийся в тихой душе Беленького, не давал ему покоя, заставляя то редактировать стенгазету, то участ-

вовать в студвеснах, то организовывать поэтов в коллектив – одним словом, как-то проявляться, быть на виду. Ах, вы нас не замечаете, не публикуете, так мы ударим по вашим ушам выступлением! И выступали. Например, в Политехе.

Приходим. В вестибюле висит наша афиша. На ней:

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВИА «ВРЕМИРИ»

Соло-гитара – Юрий Ованесян, ритм-гитара – Алексей Ширинкин,
бас-гитара – Александр Монахов, ударные – Андрей Бельский,
клавишные – Леонид Соломин, труба – Вячеслав Польский.

Разумеется, никаких гитар и труб у нас с собой не было. Все это так, шуточки, претендующие на экстравагантность. Перед выступлением экстравагантно выпили в туалете вина.

Аудитория, которую нам выделили, оказалась маленькой. Впрочем, и народу было немного. В основном – девушки, частично – свои же филологини.

Первым перед публикой выдвинулся Ованесян. Назвав себя, он сказал: «Соло-стихи» – и начал читать свои вещи. За ним выступали другие – по списку. Очередь дошла до Польского. Тряхнув светлыми кудряшками, тот вскочил на стул, который скрипнул под его полными – джинсы в обтяжку – ногами. «Труба-стихи» – объявил он и продекламировал:

Зарядить бы орудие спермой
и по звездам – ба-бах! – шандарахнуть,
чтобы брызгами фейерверка
согрешить с межпланетным разумом.

И другое:

С неба солнце сволочилось,
потому что солнце – сволочь.
Наступила сволочь-полночь,
и земля дерьмом умылась.
И в любое время дня
сволочи вокруг меня!

Девушки обомлели...

15. День рождения Нины

Француз и Солома ужинали. Ели жареную рыбу прямо из сковородки. Вдруг открывается дверь и входит ангел Нина. Лёня чуть не подавился. Ему стыдно, что Нина застала его за таким неангельским занятием как поглощение пищи, вдобавок – пищи дешевой: то была мойва, издававшая довольно резкий запах. К тому же он не надеялся на дальнейшее (после картошки) общение с мадемуазель, думал, что она целовалась с ним в деревне от скуки, что у нее на уме Сережа или

кто-то еще. И вот ангел снова слетела по его грешную душу.

– Соломушка, я приглашаю тебя на свой день рождения, – сказала она. – Завтра мы идем в ресторан.

– Спасибо, – кое-как вымолвил Лёня.

Ресторан назывался «Турист». Своим стеклянным фасадом он смотрел через улицу Орджоникидзе на бывшие строения кафедрального собора, занятые теперь краеведческим музеем и картинной галереей. Далее, за галереей шел крутой спуск к железнодорожной насыпи и (еще ниже) к набережной. Широкая Кама несла там свои свинцовые воды.

Молодые люди (человек семь) выбрали стол и сделали заказ. Неподалеку, в углу, на слегка возвышающейся площадке играли музыканты. Они извлекали из инструментов спокойные ритмы, ожидая, пока публика разгорячится, начнет беспокоиться и ускорять за деньги музыкальный темп.

Салаты, винегреты, вино в бутылке и водку в графинчике принесла официантка. Второе будет позднее. Первые несколько тостов – за виновницу торжества.

Среди приглашенных была подруга Нины Надя и ее жених Витя. Витя подошел к одному из музыкантов и, сунув ему в руку синюю купюру⁶, сказал несколько слов.

– А теперь, – объявил тот, – для Нины Мазурок, которой исполнилось 20 лет, мы сыграем «Лунную сонату» Бетховена.

Божественная мелодия смутила стены ресторана. Студен-

⁶ Пять рублей.

ты поздравляли Витю с хорошим вкусом и тем, что он догадался сделать такой подарок. Затем снова выпили за именинницу. Лёня немного завидовал Вите, но был счастлив, что сидит рядом с Ниной, что уже танцевал с ней и будет танцевать еще. Вот заиграл «медляк»; они поднялись: она в длинном голубом платье с расширенными книзу рукавами и он в черных в полоску расклешенных брюках и коричневом клетчатом пиджаке.

Еще вина потребовали студенты. Веселье ускорялось, как музыка. Уже разговор перестал быть общим и разбился на части. Уже Витя подсел к музыкантам и долго распространялся о своих мелопознаниях и пристрастиях. Наконец, он заказал какую-то песню, кажется, из Юрия Антонова. Он работал и был при деньгах.

Вдруг ангелу сделалось дурно. Ее немного вырвало под стол. Все посочувствовали ей. Она попросила у официантки тряпку и вытерла за собой. Умывшись в туалете, она вернулась в полном порядке. Лёня умиленно смотрел на нее. Все-таки ангел – человек, думал он. С другой стороны, ему ли не знать, что такое тошнота!? Ему, отметившему своей блевотиной почти все аудитории 2-го этажа «восьмерки».

16. Тошнота

Как обычно это начиналось? Да как-то так – само собой, стихийно. Пошутишь, бывало, на тему выпивки, а товарищи возьмут и отнесутся к делу серьезно. И, вроде, не хотел,

а приходится «соображать». Или Француз подойдет и скажет: «Une idée»!⁷ А какая у него идея – известно: «Cherchez l'amour au fond du verre»!⁸ Ну, и отправляешься за любовью – сначала в магазин, а потом, если не хватило (а не хватает почти всегда), к таксистам. Ведь только до 7-ми часов торгуют любовью магазины.

Выходишь эдак из полутемного тоннеля на освещенную привокзальную площадь, оглядываешься, наученный горьким опытом, на предмет милицейского фургона и стараешься на всякий случай идти прямо, изображая запоздалого пассажира. А на площади немногочленно и морозно. Такси подъезжают и отъезжают. Открываешь одну из шахматных дверей и, сделав пьяно-просительное выражение лица, спрашиваешь: «Шеф, водка есть»? Тот смотрит на тебя с подозрением: не мент ли, не засланный ли казачок? Но желание легкого заработка берет верх над чувством опасности. «Садись», – говорит он. Немного отъехав, он достает из бардачка завернутую в тряпку бутылку, а ты достаешь из кармана 15 рублей. Водка теплая-теплая; она не успевает остыть, пока ты несешь ее за пазухой от вокзала до общежития. Ты поднимаешься с драгоценной ношей на второй этаж, где днем проходят занятия в маленьких размером с комнату аудиториях, а вечером и ночью студент здесь может уединиться с девушкой или повеселиться с друзьями. Ты идешь на голоса дру-

⁷ Идея (франц.).

⁸ Ищите любовь на дне стакана (франц.).

зей и делаешь трагическую мину. Они выжидающе смотрят на тебя: «Ну, что, взял»? «Нет», – говоришь ты, но не выдерживаешь игры и достаешь флакон. Ура! Веселье продолжается. А водка теплая и противная. Сами ее что ли таксисты гонят!? Она противная не потому, что теплая, а потому, что, во-первых, сделана из сучка, а во-вторых... Ты глядишь на этикетку. Ну, так и есть – 5-ый розлив! Хорошая водка бывает только 1-го розлива, и чем дальше – тем хуже. Но дяденьку таксиста можно понять: купив дешево, он больше выручит при продаже.

Ты делаешь несколько глотков из граненого стакана и закусываешь черным хлебом и луковицей. Товарищи что-то рассказывают, смеются. А ты вдруг с серьезным лицом, схватившись ладонью за живот, начинаешь ходить из угла в угол. «Что, не пошла»? – интересуются товарищи. Ты молчишь и только глубоко дышишь носом. Бывает, через 3-5 минут на побледневшем лице твоём появляется улыбка облегчения. «Я победил!» – говоришь ты гордо и вновь окунаешься в разгул. Но чаще борьба с тошнотой оканчивается не в твою пользу: ароматная струя изливается на пол, так что всей честной компании приходится перейти в другую аудиторию. Ну, теперь-то ты прислушаешься к организму? Теперь-то ты остановишься? Ничуть не бывало. Ты знаешь, что именно теперь водка пойдет, как по маслу (открывается, так сказать, второе дыхание), и ты продолжаешь приучать печень к отраве... Впрочем, бывает более опасная ситуация. Пьешь ты,

скажем, вечером – все нормально, без приступов. И засыпашь нормально. А часа в 3-4 ночи тебя начинает выворачивать. Слава богу, в каком бы ты беспамятстве не был, ты инстинктивно поворачиваешься на бок и блюешь на пол или кровать. А ну как однажды не повернешься и, лежа на спине, захлебнешься собственной блевотиной! Ведь были же прецеденты. Конечно, такая смерть достойна проклятого поэта. И все же...

Хорошие люди могут подумать, что твоя тошнота вызвана плохой водкой.

– Отнюдь, – говоришь ты, – меня тошнит не только от бодяги, купленной у таксистов, но и от магазинной водки. Меня тошнит и от вина и даже от коньяка. Дело не в качестве, а в количестве выпитого. И вообще, моя слабая печень не желает усваивать алкоголь.

– Так зачем же эти муки? – спрашивают хорошие люди. – Зачем ты пьешь разную гадость? Зачем ты вообще пьешь?

Сей вопрос ставит тебя в тупик. Как ответить на то, на что даже Гамлет, принц датский, не нашел ответа? «Пить или не пить»? – все время размышлял он и таки пил, пока не помер. Может, ты употребляешь, чтобы стать смелее с девушками? Да, конечно; перед танцами надо непременно употребить, а то простоишь весь вечер, никого не пригласив. Может, ты усугубляешь от радости? Еще бы не от радости, ведь коммунизм на носу; вся страна радуется, а я что – рыжий! Или, может, горе какое у тебя? А пожалуй, и горе, вернее,

тревожится что-то мне. Все как будто так да не так. Будто погнило что-то в датском королевстве. Опять же экзамены. Что экзамены? Так ведь стресс, буря. Как же после них не поддаться, как не успокоиться?

Посмотрят, посмотрят на тебя хорошие люди – и махнут рукой. И ты снова очутишься на 2-ом этаже «восьмерки», где все уже хороши. Откуда-то уже взялась какая-то девушка и какая-то гитара. И ты, утратив скромность, уже поешь неприличную песню, заимствованную у Шуры Николаева, песню, которая была бы стопроцентно пошлой, когда бы не имела политической подоплеки.

На параде к тете Наде
молодой комиссар
все подходит сзади, сзади,
чем-то дышит в небеса.
Реют шарики воздушны
в небесах, в небесах.
Тете Наде стало душно
в теплых байковых трусах.
А по манежу конница идет
и на веревке тянет бронепоезд.
Тетя Надя не дает, тетя Надя не дает,
а комиссар уже снимает пояс.
Все сидели – сразу встали.
Крик и вой, крик и вой.

Из Кремля выходит Сталин,
кормчий наш и рулевой.
Он подходит к мавзолею –
наш отец, наш отец!
Комиссар, от страсти млея,
вынул жилистый конец.

– Как откровенно! – говорит присутствующая здесь девушка и смотрит на тебя не без интереса.

17. Портрет лежащего

Часов в 11 вечера Юрий Ованесян возвращался к себе в общежитие. Ветер сдувал с сугробов поземку. Подмораживало. В нескольких шагах от «восьмерки» (оставалось обогнуть ее с торца) Юрий едва не споткнулся о чьи-то ноги, из сугроба на край дорожки вытянутые. Видит: лежит в снегу человек; ботинки на нем легкие, на тонкой подошве, да и куртка не совсем зимняя. Взглянув в лицо, он узнал в человеке того типа, который пожалел ему на первом курсе свою гитару. Была вечеринка, и захотелось попеть, а гитары нет. Ну, и обратился он к этому гусю, обладающему инструментом. А тот: не дам. Почему? Нет и все. Да еще с каким-то вызовом. В общем не по-общежитски. Вышел тогда из его комнаты Юра, обижен и зол. И теперь вот этот тип лежит в сугробе. Замерзнет ведь черт! – подумал Юрий и, скрепя сердце, кое-как поднял и потащил нелегкое тело в общагу.

Соломин укладывался спать, когда в комнату вошел Ованесян.

– Иди, – сказал он Лёне, – там, внизу твой знакомый, с которым ты на первом курсе жил. Я его с улицы приволок и посадил к батарее.

– Кто?

– Да полный такой. Шурой, кажется, зовут.

– Николев?

– Наверно.

Лёня спустился с 4-го этажа в вестибюль. На бетонном полу у батареи лежал тот самый.

Шура Николев был не каким-нибудь самодеятельным исполнителем бардовских песен. Он пел в «Бригантине» – этом почти профессиональном хоре, состоящем из студентов университета. Он рассказывал, как однажды на репетиции, когда они в оный раз прогоняли песенку про сапожника, который решил бросить шить сапоги и стать композитором, кто-то из участников хора, видимо, от скуки заменил одну фразу. Вместо слов «Не узнал его я сразу: тот он иль не тот» явно прозвучало: «Не узнал его я сразу, ёб...нный он в рот». Худрук и дирижер остановил пение и стал внимательно всматриваться в лица. Но все студенты-хористы отвечали ему невинными, добродушными взглядами, и шалопай не был пойман.

Лёня потянул лежащего за рукав: «Шура, вставай»! Тот зашевелился. Потом сел. Пьяный, как сапожник, он тем не менее сразу узнал Соломина: «А-а, Соломенник»!

– Шура, ты можешь встать?

– Могу.

– Вставай, пошли в комнату. Не надо тут сидеть, замерзнешь.

После долгих переговоров Шуру удалось поднять на ноги. Закинув его руку себе на плечо, Лёня повел его на 4-ый этаж.

Он собирался сегодня спать на койке Алексея Ухова, который уехал на выходные домой, и раскладушка была свободна. Расправив ее, он уложил пьяного товарища прямо в одежде, ибо тот никак не хотел раздеваться. Он выключил свет, но Шуре не спалось. Ворочался, что-то бормотал и все время порывался встать «матрос Бригантины». Соломин удерживал его. Однако силы у, видимо, отдохнувшего в снегу и вестибюле Шуры возрастали. Он, наконец, поднялся и, несмотря на все уговоры, ушел в ночь.

Позднее, в 80-х годах, Соломин напишет об этом случае и вообще об этой колоритной личности стихотворение.

ПОРТРЕТ ЛЕЖАЩЕГО

Сокурсников своих он старше,
как говорят, студент со стажем.
Какой ни есть житейский опыт,
природный ум (еще не пропит),
начитанность... А в остальном –
как остальные: моложавый,

хотя крупнее их, пожалуй,
и бесшабашней заодно.

Представьте, "вымахал" амурчик,
и крылья – отслужили! – прочь,
и отдыхает, чуть измучен,
чуть располнел, Обломов чуть.
Зато эстет. И не вставая
с железной сетчатой кровати,
вино сухое попивает
из горлышка. В одной руке
"флакон" сменяет сигарета,
в другой – Хемингуэй раскрытый,
вернее, "Хэм" (накоротке).
Вот это смесь, вот это допинг
для тонкой, страждущей души!
О, неоформленная ширь,
пустыня, ждущая утопий!

Темно. Кудрявится поземка,
как плагиат его волос.
Ботинки на подошве тонкой
и тропку полузамело.
Три раза по четыре стопки
он пел четырехстопный ямб,
он репетировал и с тропки

сошел, искусством обуян.
Он спит, дитя природы, сладко.
Прохожий, не клонись над ним:
он любит оседать в осадки,
духовной жаждою томим.

Он может под гитару – соло.
Но я пишу о нем затем,
что это в целом – певчий хора,
который изначально нем.
В том смысле, что его не слышат:
глухие заняли весь зал.
Талант уходит в снег, как лыжа.
Он все себе уж доказал.

18. Падение ангелов

Это случилось 31 января 1978 года. Но мы взволнованы, мы не можем об этом говорить спокойно, сухим языком. Ведь тема-то какая, тема! Конечно, это случается со всеми, по крайней мере, с большинством людей. Однако у каждого это бывает только однажды, как рождение и смерть.

Закончилась зимняя сессия, и многие студенты разъехались на каникулы. Лёня и Нина тоже сдали экзамены, но задержались в общежитии. Их задержал ключ от освободившейся на время комнаты, который Лёня попросил у знакомого филолога. Накануне он сказал Нине: «Завтра у меня будет

ключ!»! Она кивнула. После ее дня рождения они встречались, ходили в кино, целовались, но до главного дело не доходило. Во-первых, было не где. Во-вторых, девушка еще сомневалась. Она сомневалась, пока он (они целовались тогда на ее кровати, но были в комнате не одни) не коснулся ее живота, заведя руку под блузку. Тут она и решилась: всё, надо завязывать с детством, пора начинать жить по-взрослому.

Вечером указанного выше числа они шли по пустому коридору 4-го этажа. Только в конце коридора сидел на подоконнике и курил одинокий студент. Это был Олег Гостюхин. Он тоже учился на филфаке, на курс младше Соломина, но не был моложе его, поскольку отслужил в армии. Невысокий, большеротый, с пепельными волосами и усами, он являл собою самую скромность. И, видимо, как следствие этой черты характера в его душе произошел ранний надлом. Недавно умерли его родители (возможно, погибли), сгорел дом. Олег получил в наследство какие-то деньги и, потихоньку снимая со сберкнижки, пропивал их. Он мог бы хорошо учиться. Особенно легко давались ему языки. Преподаватель старославянского Соломон Юрьевич Адливанкин почитал его за лучшего ученика. Любил Олежек также английскую речь. Сидит-сидит и вдруг что-нибудь скажет по-английски. Например, литл. Ты думаешь: он имеет в виду литр. Литр чего? Известно, чего; не воды же. Ан нет, литл переводится с английского как маленький. Он мог бы хорошо учиться, но занимался от случая к случаю. Он мог бы

стать поэтом, но и тут не проявил должного усердия. И написав однажды:

Когда гляжу на мир глазами,
в которых плещется вино,
передо мною – блага сами,
а как очнешься, всё – говно. –

кажется, ничего уж больше не писал. И не то чтобы он ленился. Он, как Гагарин, махнул на все рукой и сказал: «Поехали»! Зачастую днем его можно было застать спящим, а ночью курящим всё в том же конце коридора и читающим художественную книжку. Или же пьющим с приятелями горькую. Соломину также случалось быть его приятелем. Представьте такую картину: в час дня поток студентов движется на занятия во вторую смену по асфальтовой дорожке от трамвайной остановки Хохрякова к университету. И только два студента идут против течения. В пивнушку (другие названия – чипок, гадюшник) похмеляться они идут.

На что уж Соломин был робок с девушками, а Гостюхин – так вообще. Просто идеал робости. Комплексовал по поводу своей внешности что ли? Ну, не красавец, но ведь и не урод. Иные товарищи – крокодилы крокодилами, а ведут себя, как принцы, не отдавая себе отчета. Нет, тут дело скорее в характере, в натуре. Взять, например, Гоголя. Весьма милостивый был господин (нос только немного длинноват), а

ведь тоже как боялся женщин, прямо до обморока!

И вот сидит такой Гоголь в конце коридора и видит, как его приятель открывает ключом дверь и заводит в пустую комнату красавицу. Впрочем, Лёне сейчас было не до Гостюхина. Его судьба, можно сказать, решалась.

И они вошли. И он закрыл дверь изнутри. И стали они целоваться. И попытался расстегнуть ей платье он. «Это обязательно»? – спросила она. В другое, более спокойное время он бы удивился: «Почему ты спрашиваешь? Ты же знаешь, зачем пришла сюда». Она знала и была готова. Но все-таки спросила. Уж таковы женщины. Теперь он только сказал: «Да». Да, это обязательно. Она стала снимать платье, а он свою рубашку и брюки. Волнуясь и учащенно дыша, они возлегли на ложе.

Какое ложе в общежитской комнате!?! – усмехнется кто-то. Пойми, кретин, скажу я ему, эти двое – ангелы и, значит, они в раю. А в раю нет никаких железных, сетчатых коек, а есть только ложе... Правда, ангелы собрались упасть. Ну, и что из того? Быть может, настоящие ангелы – именно падающие ангелы; они становятся настоящими в момент падения.

– Милая, как я тебя люблю! А ты меня? – Да-да. – Сейчас я... а-а, что-то не получается. Я правильно иду? Сюда? – Да, сюда... кажется. – О-о, тебе больно? – Больно. – Мне тоже.

На пути была преграда. К звездам сквозь тернии, к блаженству через кровь. Девственность – вот верный признак райской принадлежности. Она бывает только у людей и ло-

шадей. Остальные представители животного мира лишены ее. Только люди и лошади вышли из рая, и это говорит о их близком родстве. Более того, нам сдается, что именно от коней произошли человеки, а никак не от обезьян, и Дарвин сел в калошу, предположив последнее. Вы замечали, сколь умно и благородно лицо коня, и разве может оно сравниться с глупой мордой мартышки!? Возможно, люди и лошади когда-то составляли одно целое, и миф о кентаврах имеет под собой реальную почву. Потом верх и низ распались, как всё в этом мире, но человек еще долго был по привычке на коне. Пока не скурвился и не предал своего родственника и друга, пересев на автомобиль. Однако мы отвлеклись от главного.

Ангелы падали неловко, но чисто, ибо были они чисты. Они измучились, но наслаждения в этот раз так и не достигли. Он даже подумал, что не смог сломать преграду, несмотря на кровавый знак на простыне. Однако уже в следующий раз его зебб вошел свободно по самое основание, и все было хорошо, и надорванная крайняя плоть его уже не болела. Пока же они падали, иногда отрываясь друг от друга. Она вышла в туалет, а когда вернулась, он спросил ее, сидит ли еще тот студент в конце коридора. Сидит, сказала она. И ему стало неловко перед тем студентом, словно он пьет чашу счастья, пусть пока неощутимого, на глазах у несчастного. Лёня всерьез опасался, что девственником останется Олежек.

19. Студенческая свадьба

Падшие ангелы прогуливались возле университета. Мартовское солнце говорило о скорой весне.

– Ты серьезно воспринимаешь наши отношения? – вдруг спросила Нина.

– Конечно, – удивился Лёня, – а почему ты спрашиваешь?

– Ты не предлагаешь мне стать твоей женой.

– Ну, я просто думал, что успею... Мы же рядом... А хочешь прямо сейчас... Нина, я люблю тебя и предлагаю тебе руку и сердце!

И они поехали на троллейбусе в загс, чтобы подать заявление. День регистрации был назначен на 12 мая.

Накануне торжественного дня случилась черная горькая ночь от таксистов. Как обычно, в одной из аудиторий 2-го этажа «восьмерки» засиделись приятели.

Утром, часов в 10, раскладушка под Лёней заходила туда-сюда. Ее толкал Француз.

– Солома, вставай. У тебя же сегодня свадьба.

Лёня с трудом заставил себя сесть.

– Пивка бы... Без пива я не смогу жениться.

– Иди к вокзалу, – сказал Игорь. – Там у тоннеля на разлив, говорят, продают. Ребята брали.

Неужто такое может быть!? Это в наше-то время, когда пивзаводы не успевают утолять народную жажду. Но господь, видимо, решил сделать Соломину свадебный подарок: «корова»⁹ в указанном месте действительно стояла, и дои-

⁹ Небольшая цистерна-прицеп на двух колесах.

лась она живительной влагой, и народу было немного – 6-8 простых, потрепанных советских людей с бидонами.

Лёня взял поллитровую кружку, граненую, из толстого стекла. Быстро осушил ее. Вторую пил уже спокойнее. О, этот чудесный момент оживления! Не правда ли, пьяницы похожи на фениксов, которые умирают и воскресают вновь? Быть может, люди пьют, чтобы ярче чувствовать и ценить жизнь? Ибо все познается в сравнении. Силы возвращались к Лёне, глаза его приняли более осмысленное выражение. Теперь можно и жениться. И к невесте поспешил он.

Из такси, остановившегося у загса, вышли веселые юноши и девушки. Остальные приглашенные подъехали на троллейбусе. Всего было не более 10 человек. Однако где же тут жених и невеста? Судя по одежде, их тут нет. И все же они здесь, просто она не в белом платье, а он не в черном костюме. Ну, студенты они! Откуда у них деньги!? Да и что наряд! Они молоды и красивы, и одеты скромно, но со вкусом. На ней короткое светло-кремовое платьице, с красными и синими цветами, а на нем черные в полоску брюки и коричневый клетчатый пиджак.

Работник загса произнесла краткую заученную речь и вручила свидетельство о браке. Молодожены поцеловались. Он надел ей на безымянный палец правой руки обручальное кольцо, купленное её мамой, она же ему ничего не надела, так как все по той же причине недостатка средств кольца у него не было. Свидетели и гости поздравили их и выпили со-

ветского шампанского, принесенного с собой и поставленного в углу на столик. Работник загса выпить отказалась. Потом свадебная компания отправилась гулять.

Часа два бродили по Комсомольскому проспекту и улице Карла Маркса. Природа, так сказать, соответствовала: весна, солнце, первые маленькие (литл) листочки на деревьях. Иногда останавливались, и фотограф делал снимки. Сфотографировались, например, у танка Т-34, установленного на пьедестал в память о Великой Отечественной войне напротив Дома Офицеров. У этого танка по традиции запечатлевались все молодожены. Да и не было в городе других монументов, кроме него и памятника вождю мирового пролетариата, что возле оперного театра. Так что выбирать особо не приходилось. С другой стороны, завидуют ли пермяки москвичам, которые щелкаются у памятника Пушкину? Ничуть! Ведь что такое Пушкин? Ну, бакенбарды, и всё. А тут – какая башня! Какие гусеницы! Какая пушка! Перефразируя Окуджаву, на фоне гусениц снимается семейство.

Завершилась свадьба в ресторане «Турист», где заранее был заказан стол. Счет договорились оплатить все вместе, и это компенсировало отсутствие подарков, которые гости-студенты не могли себе позволить. Из водок выбрали новую, только что вышедшую марку под названием «Сибирская». И не ошиблись. Она еще не успела угодить в массовый поток халтуры и подделки, и, кажется, действительно была сделана из зерна. Ее можно было пить без закуски.

Пили, закусывали, разговаривали, смеялись, танцевали. В общем свадьба удалась. Вот только с фотографиями не повезло. Фотограф, полужнакомый студент, некто Кучин, толстый, чернявый, брыластый, вызвался изготовить снимки бесплатно (лишь за пленку и фотобумагу нужно было рассчитаться). Лёня и Нина из экономии согласились. И вот, нащелкав множество кадров, Кучин объявляет потом, что пленка засветилась. Так историческое событие навсегда пропало для потомков. Лёня не поверил Кучину. Водка и обиды, претерпеваемые от людей, сделали его подозрительным. Зная, что брыластый толстяк засматривается на Нину, Соломин заподозрил его в нарочитом утаении снимков. Возможно, тот утаил их, как бы мстя за свой неуспех у девушек и пополняя фотокolleкцию красавиц, перед изображением которых он занимается онанизмом.

20. Башков

– Поехали к Башкову; он приглашал, – предложил подвыпившей компании Андрей Беленький.

Соломин не был знаком с Башковым, знал только, что тот – филолог курсом постарше, и интересуется поэзией как литературный критик. Но за компанию почему бы не поехать.

Начинающий критик встретил трех поэтов радушно. С женой они быстро накрыли стол. Когда сели и разговорились, Лёня заметил, что язык у Башкова весьма подвешен, шпарит как по писанному, ни в чем не сомневаясь. Губы

тонкие, словно поджатые, глаза водянисты и подвижны. Вот какие они, критики! – подумал Леонид. – Тут над каждым словом трясешься, поддержишь-поддержишь да и выбросишь – не годится слово. Не говоря уж о мысли; все время вспоминаешь тютчевское: мысль изреченная есть ложь, – и боишься наврять. А этот вещает, как пророк, и возрази ему, попробуй! Он-то, наверняка, знает, как жить и что делать, и сделает себе карьеру, уже коммунист, поди. И точно, Башков вступил уже в партию.

Словно реагируя на ход ленинского размышления, разговор неожиданно с поэтической темы перескочил на политическую. Критик утверждал, что коммунизм исторически неизбежен, и доказывал, как да почему. Лёня попытался было заспорить, бормоча что-то о совершенном идеале и несовершенстве людей. «Вот если бы все разом вдруг сделались сознательными»... – говорил он. Однако, пьющий второй день, он не смог противостоять натиску человека, знающего меру, человека подкованного, ловко использующего книжные аргументы и выкладки.

Хозяин предложил гостям посмотреть книги. Лёня не пошел. Он сидел за столом один и злился. Злился на Башкова, на себя и на то, что так быстро кончилась водка.

Позднее, на трезвую голову, он мысленно продолжил спор с критиком, рассуждая примерно так. Вот говорят о равенстве и братстве. Но какое может быть равенство, тем более братство, если люди такие разные. И дело не в том, что од-

ни занимаются умственным, а другие физическим трудом, одни образованные, а другие не очень (хотя и тут уже официальный лозунг дает сбой), – а дело в том, что люди разнятся по степени нравственности. Одни живут и работают честно, а другие (себе на уме) ловчат, ищут легких путей и, часто находясь в первых рядах строителей коммунизма, на поверку просто хотят пожить для себя. «Рыба гниет с головы», – вспомнил Лёня поговорку, которую любил повторять его отец, человек рабочий. А рабочий человек – он тоже не дурак. Он уже не верит ни власти, ни интеллигенции. Он видит, что, пока он таскает камни и кладет кирпичи в братское здание, некоторые «братья» прохлаждаются в тенечке. И тогда с оскорбленным чувством справедливости он устраивает перекуры, а то и перепои, которые случаются все чаще. И хотя прораб ежемесячно рапортует наверх, что все идет по плану, что дом растет, на самом деле едва возведен подвал, и тот уже почти развалился от дождя и холода невнимания. Вавилонская башня не была разрушена, она просто не была построена. В легенде о ней все поставлено с ног на голову. Будто бы ревнивый бог, не захотев пускать людей к себе на небо, смешал их наречия, и они, перестав понимать друг друга, развалили сооружение. На самом деле бог был бы только рад, если бы люди сравнялись с ним в божественности. И незачем ему было ломать то, чего итак никогда не было, а именно всеобщего взаимопонимания, взаимопомощи и, что называется, любви к ближнему.

Или взять другой коммунистический лозунг: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям. Ну, не чепуха ли? Ведь давно известно: чем меньше у человека способностей, тем больше он хочет потреблять. Эдак какой-нибудь дворник у нас будет жить лучше профессора. И дело не ограничится материальным преимуществом. Разбогатеет, дворник бросит метлу и, как старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», захочет повелевать, полезет во власть предержавшие структуры. Тут-то и сбудется большевистское пророчество: кто был ничем, тот станет всем.

Все эти размышления придут Соломину на ум позднее. Пока же он, сидя в гостях у Башкова, чувствовал себя, как та собака, которая всё понимает, да не умеет сказать. К чести его, однако, надо заметить, что чутье на людей не подвело его. И когда идеи коммунизма сильно упадут в цене, товарищ Башков быстро бросит их и начнет пропагандировать нечто противоположное – модернистскую (читай: не советскую) поэзию, в которой, несмотря на замысловатость и туманность, все упирается в индивида, посылающего на три буквы коллектив, а иногда и весь мир.

21. «Не наш человек»

Молодые люди, он и она, вошли в плацкартный вагон поезда «Пермь–Соликамск». Вскоре вокзал и перрон за окном, окутанные морозом, поползли вправо. Проводница начала обход пассажиров, собирая билеты и по рублю за постель-

ное белье. Постелив себе и жене, юноша вышел в тамбур покурить. Было 23 часа местного времени. Поезд приходил в Копиград около 7-ми утра, и следовало бы лечь, но юноше спать не хотелось. Был немного возбужден он.

В промозглом, заиндевелом, заплеванном тамбуре стояли два гражданина. Один в милицейской форме с погонами старшины, другой – в штатском. Они тоже пребывали в некотором возбуждении и весело разговаривали. Старшина отличался рыжими усами и был простым русским человеком, не худым и не толстым. Ему можно было дать лет 45-50. Второй гражданин как-то не запоминался.

Эти двое сразу заметили, что молодой человек находится в аналогичном им состоянии, и обратились к нему, как старые знакомые. Он, в свою очередь, видя, что тут родная стихия, окунулся в общий разговор. О чем говорили? Да черт его знает. О всяких пустяках, о коих могут трепаться люди, находящиеся немного не в себе, вступившие в разговор с неизвестными и забывшие даже спросить, кто те такие и как их зовут. Юноша сказал только, что он студент. А товарищи то ли ехали в командировку, то ли возвращались из нее.

И все бы ничего, но в тамбур вошел еще один товарищ. Лет за 30, сухощавый, в сером костюме. Хотя он был из компании этих двоих и тоже слегка поддал, он не проявлял ни того веселья, ни того добродушия. Он подозрительно уставился на улыбающегося студента, одетого в серые в клетку расклешенные брюки и зеленый с бело-красным рисунком

на груди и животе индийский свитер, купленный за 40 рублей в ЦУМе. Что действительно странно было в молодом человеке, так это лицо, покрытое ярко красными пятнами, не похожими на здоровый румянец, и женская шапка на голове в виде папахи с длинной шерстью. Но и тут объяснялось все просто: пятна – это аллергия вследствие двухдневного возлияния (ну, печеночка иногда ропщет, что с ней подделаешь!), а шапка – то шапка жены, которую, конечно, на улицу не наденешь, а в тамбур покурить – почему бы нет. Однако серый гражданин, видимо, объяснил внешность юноши по-своему и смотрел на него, как на шпиона и врага народа.

– Отойдем-ка, – сказал он студенту.

Они прошли в пустой тамбур соседнего вагона.

– Кто такой? Предъяви документы.

– А в чем дело?

– Служба безопасности.

И какую-то корочку быстро показал он молодому человеку, так что тот не успел рассмотреть. Их тет-а-тет нарушил старшина.

– Да отпустил бы ты его, Петрович, – обратился милиционер к сухощавому почтительно-извиняющимся тоном, словно к старшему по званию, – ведь нормальный же парень.

– Не наш человек, – заявил серый товарищ, – пусть покажет документ.

Пришлось студенту идти за паспортом, благо, тот был с собой.

Увидев красный, серпастый и молоткастый и прочитав в нем: Соломин Леонид Павлович, – человек, который всегда на чеку, как будто успокоился. Лёня, несколько расстроенный и протрезвевший, пошел спать.

А ведь он прав, подумал он позднее, я не их человек. Он почувал во мне другого не только по причине странной физиономии и шапки. Однако какое он имеет право полагать, что такие, как он, серые суть советские люди, а зеленые, как я, не советские. Все мы советские.

22. В центре мыслится о конце

На 4-ом курсе я начал писать небольшую поэмку об экспедиции Берка в Австралии. Еще в летние каникулы, отдыхая от серьезной, в основном, литературы, какую мы проходили, и длинные списки которой я едва прочитывал до половины, так что шел на экзамен без знания многих текстов, пробежав в лучшем случае глазами критику о них, – еще в летние каникулы перечитывал я Жюль Верна. Не то чтобы я верил сказкам со счастливым концом: я уже вышел из этого возраста. Но, во-первых, книги французского автора занимали меня приключениями и, главное, своими вставками из настоящей жизни. Одной из таких вставок и была история экспедиции Берка, описанная в романе «Дети капитана Гранта». Сознательно или несознательно автор дает там повод для сравнения: вот вымышленное путешествие «грантоискателей», благополучно завершившееся, несмотря на все

перипетии, а вот реальный переход через центральную Австралию, с несколькими трупами в финале. И наше сердце, любящее вымысел и сказку как недостижимую мечту, все же остается с трагедией, ибо она правдоподобна. Более того, даже из жизненных ситуаций одного ряда мы выбираем ту, которая окончилась трагично. Амундсен и Скотт – оба герои. Но один выжил, а другой погиб. И уважая первого, мы чисто по-человечески склоняемся перед вторым. Амундсена как первооткрывателя Южного полюса сделала героем победа, Скотта сделала героем смерть.

Подобный же путь в неизведанное, путь с трагической развязкой привлек меня в экспедиции Берка. Добавьте сюда экзотический ландшафт: каменистая пустыня, горы, непроходимые болота, – и вы поймете: романтику было, где развернуться. Я вдохновенно взялся за труд.

Как-то мы сидели вдвоем с Сашей Монаховым в моей комнате (на 4-ом курсе мне дали место в общежитии), и я прочитал ему написанную часть поэмы.

В центре мыслится о конце.

Да, таков парадокс Австралии,
у которой основа – центр,
белым зноем насквозь отравленный.

Нет сил сей пейзаж выносить.

Взгляд безжалостно камнями режет.

Где же, где же целебная синь
населенных людьми побережий?

И т.д.

«Ну, как»? – спросил я Сашу, хотя никогда не следует задавать подобный вопрос. Но мне нравилось написанное, и я почему-то был уверен, что и другим это понравится. «Хорошо, – сказал Саша, – особенно: в центре мыслится о конце!» Я удовлетворился его ответом, а следовало бы обратить внимание на последнюю часть его фразы. Ведь строчка про конец (как я позднее понял) звучит несколько двусмысленно. Позднее я вообще увидел, что поэмка, несмотря на приподнятый, взволнованный тон, вышла наивной и слабой. Так что Сашина похвала вполне могла быть ироничной. Он хорошо умел подмечать смешное. Он сочинил немало пародий на тексты своих собратьев по перу. Например, строчку «Ты идешь по щепкам, ты идешь по доскам» некоего Кускова, пишущего неразборчиво и запоем, он видоизменил следующим образом:

Ты идешь по щепкам,
«Беломор» с тобою.
Затянувшись крепко,
станешь голубою.

Мою корявую строку «При с детства расшатанных нер-

вах» Монахов обработал так:

При с детства расшатанных нервах
я бросил курить в классе первом.

В конце мая, когда на улице было довольно жарко, меня вдруг сразила ангина. Я часто болел этой хворью в детстве, но пока учился в университете – ни разу. Я уже начал надеяться, что ангина оставила меня в покое. И вот – такой рецидив! Четыре дня я валялся с гноящимся горлом и температурой под 40. Жена, жившая, понятно, в другой комнате (начни семейным отдельные комнаты давать, так, пожалуй, все студенты переженятся!), заходила ко мне, приносила таблетки, сок и какой-нибудь фрукт, и, посидев немного, уходила готовиться к экзаменам. А я оставался один, глаза – в потолок, и даже читать мне не хотелось.

Моими соседями по «клетке» были два филолога, младше меня курсом, однокашники Монахова. На второй или третий день болезни, когда они были «дома», вошел их сокурсник и с порога объявил: «Сашка Монахов повесился»!

Конечно, я испытал удар, но удар тупой, поскольку болезнь делает человека равнодушным. И вообще, если бы человек мог сопереживать на 100 процентов, он бы не выжил. Помню, в голове моей вертелось глупое «зачем» да «почему»? Вспоминался облик Монахова: темноволосый, круглолицый, склонный к полноте, склонный скорее к веселью, чем

к грусти... Задним числом, разумеется, понимаешь, что всё это внешнее, что чужая душа – потемки. И что творилось в этих потемках, теперь можно только догадываться.

Были разговоры о неблагополучии в семье: то ли родители Сашины пьют, то ли кто-то из них не родной ему. Говорили также о несчастной любви его к какой-то девушке. Конечно, все это, если было правдой, мешало ему жить, но, я думаю, не явилось главной причиной его ухода. Есть люди тонкие, ранимые, рано познавшие несовершенства мира, рано задавшие себе вопрос о смысле жизни. Они владеют страшным даром (не дай вам бог такого дара!) глядеть на жизнь отстраненно, с лермонтовским «холодным вниманием», в лучах которого даже культура и искусство кажутся абсурдными забавами, такими как война, политика и прочее. Мне кажется, именно этот дар заставил Сашу решиться.

А теперь я скажу пару ласковых тем, кто критикует самоубийц. Одни обвиняют их в слабости. А вы попробуйте, скажу я таким, залезьте в петлю или еще как-нибудь наложите на себя ручонки!.. Другие говорят, что суицид – это грех. Мол, бог дал, бог и возьмет. Но право выбора у человека от кого, если не от бога? И если человек по тем или иным причинам не хочет, не может жить, кто ему помешает, кто его смеет судить и осуждать!?

На Сашиных похоронах я по болезни не был. Народу, говорили, было много: родственники, студенты, преподаватели. Присутствовала и декан. Она пришла не только выра-

зить сожаление, но и присмотреть по долгу службы за порядком. Однако всё прошло пристойно. Только пьяный Гостюхин плакал и повторял: «На его месте должен был быть я»!

Мы приехали к Саше на девять дней. Две «тачки» с податými юношами остановились на улице Газеты «Звезда». Найдя в деревянном заборе дверь, мы вошли в небольшой дворик одноэтажного оштукатуренного дома. Тут же находился сарай, точнее, навес для хранения дров, сваленных кучей.

– Вот в этом дровенничке он и того, – сказал мне Андрей Беленький. – Говорят, вторая попытка.

На фоне поленьев и щепок, подумал я. «Ты идешь по щепкам» – вспомнилось. Вспомнились Сашины (выходит, программные) строки:

Мгновение назад в аллее,
где ядовито клен желтел,
я разлюбил... Но я приклеил
улыбку и, шутя, взлетел.
Сквер по-осеннему стал жалок.
Вивальди, кончив пьесу, встал.
Двуствольный клен картечью галок
мне траурно салютовал.

Выходит, моя неуклюжая фраза о конце была ему одновременно смешной и близкой, ведь он тогда уже думал о сво-

ем «взлете».

Войдя в дом, мы сразу попали в комнату: прихожей не было. Посередине стоял длинный стол (точнее, 2-3 стола, состыкованных вместе), скромно заставленный блюдами и уже изрядно опустошенный. Сидения представляли собой доски, положенные на табуреты и накрытые половиками. Гости, присутствовавшие в небольшом количестве (часть их, видимо, уже разошлась, ибо мы приехали не вовремя и незвано), были люди в основном пожилые, ко всему привыкшие. На их захмелевших лицах читалось: жаль, конечно, парня, да что поделать, все мы умрем.

Мы сели на свободные места. Отец (или отчим?) Саши принес из заначки бутылку водки. У нас тоже кое-что с собой было. Я напился так, что упал с крыльца.

23. Летучий Голландец

Учась на пятом курсе, Лёня разослал свои стихи по известным журналам: «Урал» (Свердловск), «Аврора» и «Нева» (Ленинград), «Новый мир» (Москва). Он понимал, что его творения, как говорится, не в формате и вряд ли будут приняты, но сделал этот шаг для успокоения совести и в глупой надежде на чудо, которая была в нем неистребима. Выбирая журналы, он ориентировался не на их содержание (оно было примерно одинаковым), а почему-то на их названия. В «Авроре» и «Неве», ему казалось, его романтическую душу поймут скорее, чем в «Октябре» и «Знамени».

Литконсультанты хорошо исполняли свой профессиональный долг. Они прислали Соломину не просто отказы, а отказы с указанием причин, почему его вирши никуда не годятся. Были замечания по форме (косноязычие, плохие рифмы, необязательные слова и предложения), но в основном критиковалась «отвлеченность и условность» тем. Вот характерное письмо из «Авроры»:

Уважаемый тов. Соломин!

Для определения Ваших стихов более приемлемо понятие романтика, а не романтизм. Она придает Вашим стихам налет легковесности. Много придумываете и мало говорите о самом главном: о себе, о жизни...

К сожалению, оставить из этих стихов в редакции нечего.

Какая легковесность!?! – недоумевал Лёня. Ведь у него что ни стихотворение – то погибель души и тела человеческого или, по крайней мере, намек на погибель. Он бы еще принял упрек в обратном – в нагнетании трагичности, но упрекать его в легковесности – это уж чересчур! Это у вас всё легко, ворчал он, как в раю, где нет ни смертей, ни страданий. В журналах действительно царил уже коммунистический рай, культивировались темы добра и созидания, поощрялась пейзажная и любовная лирика, даже и с грустью, но обязательно просветленной.

О себе и о жизни предлагалось ему писать. Но о чем кон-

кретно? Как он грызет камни наук или пьет водку?.. Нет, ничто вокруг его не вдохновляло. По крайней мере, пока. Быть может, потом, в старости, когда серая пыль нынешних будней и мелочей уляжется, когда на расстоянии многое покажется большим и значительным, – вспомнит он весь блеск и нищету своей молодости. Теперь же тусклым мелочам он противопоставил великие стихии и страсти:

Свистит ураган. Заливая фрегат,
как черт, взбунтовалась пучина.
Обшивка и мачты фрегата трещат,
изорвана парусина.

В порыве немом... Охвачена тьмой...
Невесело нынче команде.
А влево и выше, за черной кормой
проходит Летучий Голландец.

Какой фрегат? Какой голландец? Тем более летучий, – слышит Лёня голос строгого критика. – Вы где живете? В Советском Союзе, скромно отвечает непризнанный поэт, на дворе – конец 1979 года, на носу – коммунизм. Наши силы велики, так что, желая поделиться с другими, часть их отправили в Афганистан. Мы бороздим просторы вселенной, ныряем на дно океана, уходим в разведку в тайгу... Вот-вот, восклицает критик, об этом и пишите. Разве Вы не почувстуй-

те героизм нашего времени? Я его чувствую, говорит Лёня, но я его не воображаю. А паруса я воображаю, хотя и не чувствую. Что-то много Вы себе воображаете, критик – ему, советский читатель таких не понимает и не любит. И стало стыдно Соломину перед советским читателем, и мучительно больно стало ему за бесцельно прожитые годы.

24. Лагерь

Лёня заметил, что детство и отрочество его тянулось долго, а студенческие годы быстро пролетели. Причиной тому – их насыщенность: приходилось много учиться, много общаться с друзьями, так что и на стихи времени почти не оставалось. Но насыщенные годы тяжелы: один трех стоит, – и Соломин был где-то рад, что они кончились. Он вышел из университета с дипломом, с нездоровым животом и расшатанными нервами.

Прямо в лагерь попал он из университета. Не пугайтесь: не в тот лагерь, а в другой. Помните анекдот? Стоит пионер на автобусной остановке. К нему подходит зэк. «Пацан, ты откуда?» – спрашивает. «Из лагеря». «О! – удивляется зэк. – И я из лагеря... А куда ты?» «К бабе». «О, и я к бабе!» И так далее... Да-а, богат и многогранен русский язык! Удивительно ли, что иностранцы нас не понимают.

Не в пионерский и не в «зональный» лагерь попал Леонид. А в военный. Работала при ВУЗе военная кафедра, и учеба на ней завершалась трехмесячными сборами, чтобы,

значит, выпускники, перед тем как получить билеты офицеров запаса, попрактиковались, понюхали маненько походной жизни. Конечно, эта жизнь не шла ни в какое сравнение с армейской – ни по срочности, ни по тяжести, ни по так называемым неуставным отношениям. Поэтому мы пройдемся по ней бегло, используя прием быстрой смены кадров.

Вот начальник кафедры, полковник Щукин, построил курсантов-выпускников на плацу перед зданием кафедры на предмет осмотра внешнего вида. Несколько человек по его приказу вышли из строя и поспешили в ближайшую парикмахерскую снимать лишние сантиметры растительности со своих неуставных голов. Среди них был и Соломин. Он постригся наголо, хотя этого не требовалось и хотя раньше такого с собой не делал. Но сегодня «бермудно» и равнодушно ему было. Почему? Да всё потому же. Вся повесть, можно сказать, об этом. Любил он жизнь яркую, веселую, праздничную, а за праздники надо платить. Погрузились они, веселые и хмурые, в военные крытые брезентом машины и поехали за семь верст от города в лагерь, находящийся между Пермью и Голым Мысом.

Нет, зря все-таки людей стригут (или сами они стригутся) под ноль! Ведь такая с позволения сказать прическа катастрофически уменьшает, сводит к нулю и внутреннее содержание человека. Взять, например, тюрьму. Ну, разве можно граждан и без того разболтанных, пришедших туда без нравственного, так сказать, стержня, эдак-то вот болванить!? Мы

уже говорили и не устанем повторять: надо стричь зэков с челочкой, как в нашу детсадовскую бытность. Как сразу преобразятся, расцветут их суровые пустынные лица! Как вслед за ними вспомнят-вернутся в золотое детство их ожесточенные сердца! В детство, где мир прекрасен и все люди – братья. А если добавить к челочкам благородных воспитательниц, умеющих увлечь за собой к творчеству и созиданию – о! – сколь изменятся наши тюрьмы, сколь станут соответствовать они своей цели – воспитывать и исправлять! Дело кончится тем, что в тюрьмах станет светлее и нравственней, чем на свободе, и вольные люди потянутся в сии учреждения, ибо рыба ищет, где глубже, а человек – где чище.

В большом палаточном шатре солдаты срочной службы выдали курсантам обмундирование. Один выдавал сапоги и портянки, другой – штаны и гимнастерки, третий – пилюльки, четвертый – противогазы. Называешь размер ноги или головы – получаешь соответствующую вещь. Противогаз Лёня получил номер один, самый маленький. Но он не огорчился из-за своей мини-черепушки; он знал, что разум измеряется не объемом серого вещества, а количеством в нем извилин. И выходит, что извилист и непредсказуем путь разума. Переоделись экс-студенты, стали как один, а в противогАЗах так вообще не поймешь, кто есть кто. Получили они палатки: палатку – на отделение. Установили, стали жить.

В 7 утра подъем, пробежка с голым торсом и физические упражнения. Затем – туалет (количество умывальников и

очков в сортире согласно уставу). В 8 часов завтрак. К 9-ти подъезжают товарищи офицеры, начинаются занятия. Вот выходят курсанты в поля, ориентируются на местности (слева – овраг, справа – лесок, прямо – кривая береза), взвод, короткими перебежками вперед! – наступают. Вот, обозначив саперными лопатками окоп, ведут они оборону. Вот уже в настоящем окопчике нужно переждать, пока над тобой проедет танк, и бросить ему в задницу деревянную гранату. Не для слабонервных упражненьице. И хотя окопчик специально укреплен, забетонирован (чего в реальном бою не бывает), грохот махины над тобой навсегда заставляет тебя разлюбить яйца всмятку. А вот захватывающее занятие – вождение. В качестве учебных машин использовались списанные БТРы выпуска 40-х годов. Понятное дело, они часто ломались. Но покопается в моторе солдатик-водитель, закрепленный за данной единицей техники, и снова стальной приземистый «гроб» задвигается рывками по проселочному пути под управлением неопытного курсанта.

На огневой подготовке стреляли они из автомата Калашникова и один раз из гранатомета РПГ-7. Гранатометчикам, стрелку и снарядоносцу, полагались наушники. Однако подполковник Пеньковский, рассказывали, азартный до слабоумия, хотел наушники отменить, чтобы, значит, курсанты привыкали к грохоту войны. Хорошо, что другие офицеры не поддержали его, иначе выпускал бы университет лейтенантов туговатых на ухо. Вот Лёня подал стрелку снаряд и

отошел немного в сторону. Ибо гранатомет стреляет не только вперед, но и назад – на несколько метров горячим воздухом, и может тебе что-нибудь подпалить. Вот Соломин уже в роли стрелка положил «трубу» на правое плечо и встал на левое колено. Прицелился в зеленый, вырезанный из фанеры силуэт танка – пли! – просвистела пустая, без взрывчатки, хвостатая граната. Мимо.

Вот майор Мищенко поясняет между делом молодежи, что правая мошонка у мужчин отвечает за подъем, за боевую, так сказать, готовность, а левая содержит начинку. И если левая с годами опустеет, станешь ты как холостой патрон. Вот курсант Соломин подходит к командиру роты, майору Култаеву, смуглому, то ли татарской, то ли среднеазиатской внешности, и жалуется на живот. Майор Култаев посылает курсанта Соломина на три буквы. Но потом, сообразив, что тут все же не армия (а этот майор был армейский, не работал в университете и помогал лишь во время сборов), что курсант может обратиться к полковнику Шукину, и хотя ничего серьезного не будет, а все ж и замечания от начальства неприятны, – майор подзывает Лёню и проявляет человечность – советует заваривать и пить липовый цвет и еще какую-то травку. Спасибо, отец-командир! Но не липовый цвет, а печальная новость по радио отвлекает Соломина от его болячек. Умер Высоцкий. Как там у него?

С меня при цифре 37 в момент слетает хмель.

И вот как будто холодом подуло.

На этой цифре Пушкин нагадал себе дуэль
и Маяковский лег виском на дуло.

.....

На этом рубеже легли и Байрон и Рембо,
а нынешние как-то проскочили.

Он недалеко ушел за этот рубеж. 42 года ему было. Ранняя смерть его вроде была понятна: он не жалел себя, много и с надрывом работал, поговаривали о его загулах. Но все же «Высоцкий умер» прозвучало неожиданно... Многие потом напишут о нем. Точнее всех, может быть, Градский:

Он из самых последних жил
не для славы и пел, и жил.

Среди общей словесной лжи
он себя сохранил.

И на круче без удержки
все накручивал виражи.

Видно, мало нас учит жизнь:
тот убит, кто раним.

Однако вернемся в строй. Вот курсант, умеющий жить, предложил начальнику лагеря снять о сборах документальное кино. Получил добро, и в то время как прочие ходили в поля или строевым шагом по плацу, заступали в наряд по

кухне и так далее, мелькал то тут, то там с кинокамерой, свободно выезжал в город и хорошую часть времени был предоставлен самому себе. А когда в августе и особенно в сентябре ночи стали прохладными, и приходилось спать, не раздеваясь, под двумя одеялами и шинелью, курсант, умеющий жить, перебрался из палатки в дощатую и отапливаемую капертку.

Вот и последний вечер перед «дембелем». Соломин провёл его на удивление скромно. Может, по причине стесненных финансов. Он посидел с двумя товарищами перед печкой-буржуйкой в длинном пустом, тихом классе. Потом вышел на воздух. Над лагерем висело звездное небо. Несколько фонарей на столбах обозначали территорию. В палатках тоже царил тишина (многие курсанты слиняли в город), но это было затишье перед бурей. Не успел Лёня залезть под одеяла, как кое-где раздались песни, взрывы смеха и крик. Дальше-больше, затрещали выстрелы, и разноцветные огни, различаемые сквозь материю палатки, взвились к небу. Вот черти! – подумал Соломин. – Где они ракетницы-то взяли? В соседнем шатре случился явный переполох. Лёня надел сапоги, выскочил. Что происходит? Из палатки валил густой дым. Соседи стояли снаружи и ругались. Ба! – осмотрелся Леонид. – Дымилась далеко не одна эта палатка. По лагерю носились человеческие тени. Оказалось, это ребята из первой роты усыпили бдительность дежурного офицера, добродушного майора Чугунова, и, проникнув в штабной шатер,

вынесли оттуда энное количество ракетниц и дымовых шашек. И прокоптить своих коллег из второй роты решили они. Но вот дым развеялся, веселье улеглось. Отбой.

В последний раз филологи, лейтенанты запаса, вошли в родную «восьмерку». Они зашли, чтобы проститься с ней, с университетом, со своей студенческой жизнью и друг с другом. Стол уже был накрыт. Его организовал Самвел. Этот армянин учился вместе с Олегом Гостюхиным, но к данному времени оба они уже бросили учебу и вращались при универе последние дни. Вот так оно бывает: кому – диплом, а кому – справка о незаконченном высшем.

Пили, курили, разговаривали, пели. Ничего нового. На следующий день отправились в пивнуху лечиться. Потом за рулили в привокзальную ресторацию. К вечеру снова были хороши. Алексей Ухов так расчувствовался, что сознался Леониду. Вы такие классные ребята, сознался он, а я вас закладывал! Куда закладывал? Понятное дело, не за воротник. Стукачом, выходит, оказался. Лёня смотрел на своего однокашника, но не находил в себе ни злости, ни обиды. Вот ведь, думал он, повинился человек, значит, не всё в нем еще потеряно. За окном общаги облетала листва. На третий день с утра, торопливо простившись, разъехались они. Всё. Отбой. Теперь уже окончательный.

25. Визит

Комната в общежитии. Как заходишь, натыкаешься на заднюю стенку шифоньера, который, перегородив помещение, создает как бы маленькую прихожую. Огибая шифоньер слева, видишь кухонный стол-шкаф. Далее – двуспальная кровать, а у противоположной стены – трюмо и маленькая детская кроватка.

Соломин пришел с работы. Жены нет, она вместе с дочкой у своих родителей. Он поужинал и прилег было отдохнуть, но ему помешали. Раздался стук в дверь. «Входите, открыто!» – крикнул он и сел на кровати. Из-за шифоньера появился незнакомый товарищ, но Лёня почему-то сразу понял, кто это. Смешанное чувство любопытства и страха овладело им. Наконец-то в моей скучной жизни что-то происходит, подумал он, но не схожу ли я с ума!?

– Успокойтесь, Вы не больны, – сказал товарищ, – во всяком случае, не больнее прочих. Не больнее прочих.

И губы в улыбке растянул гость. В глазах его сверкали веселые и безумные искорки. Он положил шляпу на трюмо и сел на стул, стоящий рядом. На нем был изящный, но какой-то старомодный костюм в крупную клетку. И шляпа, каких теперь не носят, – шапокляк начала века. Незнакомец походил на актера Олега Борисова в роли инженера Гарина. Но это не был актер Олег Борисов.

– Я, конечно, не Мефистофель и не Воланд, – сказал гость, – но согласитесь, что и Вы не Фауст и не Мастер. Будьте, по крайней мере, довольны, что Вас посетил не совсем

мелкий бес, не какая-нибудь серая волосатая Недотыкомка, явившаяся дураку Передонову¹⁰... Не пугайтесь, я заглянул к Вам по-дружески, поболтать, спросить кое о чем. Где, например, Вы работаете?

– Я это... плотником в СМУ¹¹, – промолвил Лёня.

– И что же Вы делаете?

– Мы стелем полы в каменных пятиэтажках, ставим оконные блоки, навешиваем двери...

– Скажите, как интересно! Но все-таки это рабочая профессия. А диплом Ваш, значит, под чайником.

– Под каким чайником? – не понял Лёня.

– Вы что же, не слышали выражение «диплом под чайником»? Это значит, он ни для чего не пригодился, кроме как ставить на него горячий сосуд, чтобы стол не пригорал. Это значит, что учились Вы зря.

– Нет, не зря! – обиделся Соломин. – Высшее образование никогда не помешает. А в плотниках я временно. Вот заработаю квартиру и уйду. Жить-то где-то надо. Устроился – нам сразу комнату дали, а через три года квартиру обещали. Ведь у меня семья, дочка маленькая.

– Знаю, знаю, – участливо вздохнул гость, но тут же лукавый блеск снова заиграл в его глазах. – Ну, допустим, бросите Вы плотницкий топор. А что возьмете в руки? Учительскую указку? Помните, какая у Вас в дипломе специальность

¹⁰ Герой романа Федора Сологуба «Мелкий бес».

¹¹ Строительно-монтажное управление.

стоит?

– Да. Филолог, преподаватель русского языка и литературы. Но в школу я не хочу. Не моё это.

– Вот-вот! – обрадовался тип, как рыбак, у которого клюнуло. – И к журналистике Ваша душа не лежит. Не хотите Вы писать подобно Вашим друзьям-поэтам о какой-нибудь передовой доярке или о том, сколько гаек за смену выточил токарь Н. Ведь так?

– Так, – вздохнул Леонид и удрученно опустил голову.

– Вот я и говорю: зря Вы учились.

– Нет, не зря! – Соломин заволновался, и речь его полилась почти вдохновенно. – Я прочитал там немало книг, я увидел интеллигентных профессоров и доцентов, я встретил творческих друзей, я там женился, наконец!.. – И не зная, что бы еще добавить, вдруг выкрикнул: – Студенчество – лучшая пора жизни!

– Не имей 100 рублей! – подыграл бес.

– Ну, и пусть, – продолжал Лёня, – пусть я навсегда останусь рабочим. Маму только жалко: она так надеялась, что я «выйду в люди». Но я все равно не брошу писать. Устроюсь дворником или сторожем, чтобы больше свободного времени оставалось. Сейчас многие так делают...

– Да, есть такое поветрие среди непризнанных гениев, – ехидно заметил гость. – Видно, далек их скорбный труд от интересов государства и народа... А женился ты зачем, эгоист проклятый!?! – вдруг гневно закричал он. – Встать, когда

старший по званию с тобой разговаривает!

Увидев на месте гостя полковника Щукина, Леонид машинально вскочил с кровати, но тут же снова сел и взволнованно произнес:

– Не орите на меня! У меня нервы слабые. Я могу и в морду дать.

– Ну-ну, уж и обиделся, – примирительно сказал тип, приняв прежнее обличье. – Я пошутил... Но все-таки ответь мне, зачем ты женился?

– Как зачем? Я люблю Нину... И потом, все женятся.

Товарищ пересел на койку, обнял Соломина за плечо и заговорил с ним, как отец с сыном.

– Но ты же знаешь: семья – это ответственность. А ответственность сторожа или дворника простирается на рублей 70-80. Не маловато ли?

– Маловато, – согласился Лёня.

– Нет, я всё понимаю. С одной стороны, в жизни хочется чего-нибудь высокого, например, стихов. С другой стороны, поэзия – это как алкоголь: трудно остановиться. Да я и не предлагаю бросить. Я вот только не знаю, можно ли сочетать приятное с полезным, служить одновременно семье и музе. А ты знаешь?

– Нет, – вздохнул поэт.

– Ну, хорошо, хорошо. А о чем хоть пишешь-то? Небось, всё о морях. И не только по верху плаваешь, но и в глубину уже погрузился. (Всё, черт, пронюхал! – подумал Лёня).

Коралловые рифы – какое красивое словосочетание! Так и просится на бумагу... – гость встал и, прохаживаясь, резко сменил игривый тон на менторский. – Однако хочу предостеречь: под водой, как и на суше, водятся акулы! Помните, в рассказе красного графа Алексея Толстого «Голубые города» говорится: жизнь, говорится, недолюбливает мечтателей и грезеров. Она их тычет кулаком в бок: будя дремать-то. Она их мордой – и в дерьмо.

Помолчав, товарищ продолжил:

– Надеетесь, что когда-нибудь Вас признают и опубликуют?

Лёня скромно потупил очи.

– Ну, а как нет? Что тогда? Все равно будете марать бумагу? (Поэт кивнул.) А зачем, зачем?

– Для души! – гордо сказал Соломин. – Вам, логикам, это не понять.

– Почему ты назвал меня логиком? – удивился гость.

– Где-то читал, что логика – это адское изобретение.

– Ишь, какие мы грамотные!.. А хочешь, я приоткрою тебе будущее – твоё и твоей великой страны?

– Нет! – испугался Лёня.

– Да не бойся. Я так, слегка, как в тумане. Общие, так сказать, очертания... В этом году умрет твой отец и Брежнев.

Леонид вздрогнул, бес захохотал.

– А дальше... ох... дальше начнется комедия. Место генсека станет, как заколдованное. Не успеет на него сесть оче-

редной претендент, как – вжик! – и он уже в лучшем мире. Три года подряд учреждения будут вывешивать траурные флаги, и по стране прокатятся концерты печальной музыки. Оставшись без головы, испугается страна. Политбюро, наученное горьким опытом, выберет самого здорового и молодого своего члена. На этот раз голова уцелеет, но заболит тело. И сляжет державное тело в постель, и через какие-нибудь 6 лет прикажет долго жить, распавшись на части. Вместо одного социалистического союза окажется много капстран. Да-да! Россия пойдет путем загнивающего капитализма. С чем боролись, на то и напоролись, ха-ха!

В комнате потемнело; за окном грянул гром, хотя на дворе февраль стоял.

– Идеал равенства и братства заменит свобода действий. Самые ушлые, ловкие, сильные начнут действовать в свою пользу. И разбогатеют так, что испытают умственное затруднение: куда бы еще потратить деньги? Другие же граждане будут рыться в мусорных баках... Комсомольцы, спортсмены и бандиты станут на одно лицо – узколобое лицо гоблина.

Соломину стало страшно, а гость говорил всё вдохновенней, торжественно, как пророк.

– И придет царство гоблина. Хотя они назовут это демократией, а себя господами. Господа – ха-ха! – с нулевой культурой. И ты почувствуешь классовую ненависть. А ты думал, что классов нет, что их выдумали два немецких бордача-еврея? Классы есть. Правда, не в виде рабочих, кре-

стьян и буржуев, а в образе людей и гоблинов, которые различаются по духовному признаку. И враги народа – это не идеологическая химера хитроумного Сталина. Ты увидишь их, точнее, их политику, льющуюся, прежде всего, с телеэкранов, откуда хлынет такая пошлость и бесвкусица, что в комнате станет нечем дышать.

Лёня в самом деле стал задыхаться и тихо сказал: «Изыди от меня, сатана»! А бес, как будто ничего не услышав, продолжал:

– Теперешний обыватель возмечтал о колбасе, с которой сейчас перебои. Будет ему колбаса. Но уж ничего, кажется, кроме колбасы, не будет. Ни божества, ни вдохновения. Всё завертится вокруг материального, телесного. И станет кушать обыватель свою колбаску, укрепив окно и вход квартиры железными решеткой и дверью из опасения грабежа со стороны не разбогатевших еще гоблинов. И не останется у него друзей, помимо собаки и кошки. Ибо человек человеку при капитализме есть лю, что по-французски значит волк.

Изыди от меня, сатана!

– Ха-ха-ха! А ты превратишься в классического мизантропа – желчного, худого, сутулого, с болотного цвета лицом... Но хочу тебя порадовать: ты напишешь-таки ряд замечательных вещей, облитых горечью и злостью, поскольку материала вокруг будет предостаточно. Так что в рай не спеши. О чем там писать? Как небожители занимаются любимым трудом и делают друг другу комплименты? Скучота! То

ли дело здесь, где ежесекундно разгораются страсти! Правда, часто на пустом месте... Помнишь фразу Мао Цзе Дуна «чем хуже, тем лучше»? Она словно обращена к художникам. Мао Цзе Дун обратился с ней ко всему китайскому народу; значит, все китайцы – люди искусства.

Пока гость отвлекся на свою безупречную логику, Леонид решил перейти в наступление и на ты.

– А как тебя зовут? – вдруг спросил он.

– Рудик, – немного растерялся товарищ.

– Скажи, Рудик, почему ты словно недоволен тем будущим адом, который ты тут нарисовал? Ведь это твоё хозяйство, твоя стихия.

– Скучно с гоблинами, – признался бес, – грубы они и примитивны. А я ангел, хоть и падший. Признаюсь тебе, что мой долг – вытеснять таких, как ты, достаточно тонких и не слишком погрязших в грехе, из этого мира, но я хочу, чтобы ты остался. С тобой по крайней мере поговорить можно.

– Я польщен, – сказал Лёня.

Гость снова подсел к нему и попытался обнять, но Лёня отодвинулся.

Ты мне не снишься, я тебе тоже,
и ничего мы сделать не можем.
Словно чужие стали друг другу,
и между нами – белая выюга. –

пропело исчадие и спросило: «Кстати, что тебе снится чаще всего»?

– Будто я студент, – сказал эксстудент, – завтра экзамен, а я не готов. Или будто мне, вроде, выдали диплом, а нет: еще предстоит пройти 5-ый курс.

– Успокойся, теперь тебе будет сниться другое. Будто ты плотник, и никак не можешь достать диплом из-под чайника. – Бес захохотал и снова резко сменил тон на серьезный. – Помнишь, как Федя из кинофильма «Операция Ы» кричит Шурику: «Убью, студент»? Вот так и жизнь кричит всякому молодому человеку. Но жизнь – это не мелкий хулиган вроде Феди, который в общем добродушен и симпатичен; и если она сказала «убью», то убьет непременно, не физически, так духовно; и спустишься ты с облаков на землю, и пойдешь, как многие, этой серой дорогой, не зная, куда и зачем.

Хлопнула дверь, гость исчез. Леонид открыл глаза, он лежал на кровати. Пришла жена с дочкой. Сняв обувь, они появились из-за шифоньера.

– Что с тобой? – спросила Нина, и Соломин увидел в зеркале своё бледно-испуганное лицо.

– Так, ничего, – сказал он, – кошмар приснился.

Он встал и подошел к окну. Копиград и февраль за окном находились. Перспектива была скрыта тьмой и метелью.

2006-2007 гг.